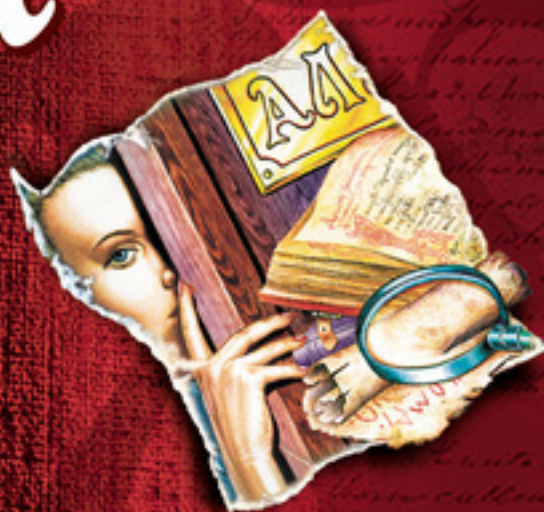

Мой любимый детектив

Елена Арсеньева

Клеймо
красоты

Елена Арсеньева
Клеймо красоты

«Елена Арсеньева»

Арсеньева Е. А.

Клеймо красоты / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева»,

ISBN 5-04-009174-5

Почему так стремилась попасть в глухую лесную деревушку ослепительная красавица Ирина Бурмистрова? Случайно ли вместе с ней там оказались фольклорист Сергей и винодел Павел – и те ли они, за кого себя выдают?.. Этих людей, которые старательно таятся друг от друга, привело в глушь одно – поиски клада старообрядцев, схороненного в скиту, где теперь обосновались местные мафиози... Но планам охотников за сокровищами мешает неожиданно вспыхнувший лесной пожар. Чтобы добраться до клада, Ирина во что бы то ни стало должна сорвать маски со своих загадочных товарищей по несчастью, но при этом сумев сохранить свою собственную...

ISBN 5-04-009174-5

© Арсеньева Е. А.
© Елена Арсеньева

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Елена Арсеньева

Клеймо красоты

Пошел к куме, а засел в тюрьме.

Пословица

Было около пяти часов вечера, когда в магазин «Сириус», что на привокзальной площади Арени, вошла молодая женщина и спросила продавщицу, когда пойдет автобус на Вышние Осьмаки.

Продавщица с натугой грохнула на прилавок ящик с пивными бутылками и вытаращилась на посетительницу.

Перед ней стояло воистину странное создание, а уж здесь, в этом магазине, который на самом деле был покосившимся и проржавевшим ангаром непонятого предназначения, и вовсе неуместное. Какие-то предприимчивые люди на скорую руку соорудили в ангаре стеллажи и прилавок, а над входом местный художник намалевал красивое слово «Сириус» в окружении пучка синей крапивы, символизировавшей хвост кометы. Какое отношение комета имела к звезде Сириус, не знал никто. Более того! Немалое количество народа пребывало в убеждении, что Сириус – это никакая не звезда, а новый сорт импортной жевательной резинки или шоколада, нечто среднее между «Сникерсом» и «Марсом»!

Однако, если бы продавщица была склонна рассуждать о звездах, она вполне могла бы предположить, что молодая женщина свалилась откуда-то оттуда, в этом своем платьице, сидевшем до того в обтяжку, что оно казалось нарисованным прямо на теле, с этой несусветной прической из локонов цвета бледного северного золота, с огромными дымчато-серыми глазами в обрамлении нарядных ресниц и с лицом воистину неземной красоты. И, разумеется, только пришелица со звезд могла интересоваться автобусом на Вышние Осьмаки!

– Христос с тобой, подруга, – по-свойски отмахнулась продавщица, затаривая пивом облезлую клеенчатую сумку, которую ей протягивал беззубый и лысый старикашка в мутной рубаше и рваных тренировочных штанах. На тощем морщинистом запястье было вытатуировано: Гена М. Пробела между именем и М. практически не осталось, так что казалось, старичка так и зовут: ГенаМ. Буквы были большие, яркие: наверное, у старичка уже начался необратимый склероз и он боялся забыть свое имя. – Какой автобус? До каких Осьмаков?

– Вышних. Ареневского района Нижегородской области, – испуганно уточнила неземная красавица. – Если станция Арень, то и район Ареневский, не правда ли?

– И район Ареневский, и область Нижегородская, а вот насчет Осьмаков я что-то не врублюсь...

– Да ты шо, Люська? – прошамкал ГенаМ. – Да это же деревня у болота, рядом с которой мафики себе базу построили в староверском скиту. Лет десять назад, как мы школу закончили, помнишь?

Молодая женщина недоверчиво уставилась на ГенаМа. Ведь она тоже заканчивала школу десять лет назад. Выходит, они с этим дедушкой ровесники? Да нет, не может такого быть. Наверное, он сидел в каждом классе по шесть лет. Или в Ареневском районе время идет в шесть раз быстрее, чем во всей остальной области?

Пришелице захотелось немедленно броситься прочь из магазина и вернуться в город, но она знала, что поезд уже ушел – последний сегодняшний поезд. Да и вообще, обратной дороги ей не было, только вперед...

– А, ну да! – вспомнила продавщица. – Точно, это ж Осьмаки и есть. Шестидесят кэмэ отсюда. Только там уже давно все развалилось, нету никого народу, живут полторы старухи да старик какой-то, а остальные разъехались.

Молодая женщина подавила желание спросить, сколько лет назад окончили школу этот старик и его соседки-старухи, и еще раз робко поинтересовалась насчет транспорта.

– А нету туда никакого транспорта, – почему-то радостно сообщила продавщица. – Только пешочком и можно добраться до этих самых Осьмаков.

Красавица потупила взор. Она была обута в немыслимое сплетение ремешков, охватывающих божественные ножки чуть не до колена. Ремешки крепились к пятнадцатисантиметровым каблукам.

– М-да... – сочувственно сказал старичок, набивавшийся в ровесники незнакомке. – Маловато у тебя обувки для нашей местности... Тут вишь, как народ ходит? – И он лихо задрал скрюченную конечность, всунутую в болотный сапог.

Дружно задрали ноги и все остальные посетители магазина, поголовно обутое независимо от возраста в сапоги либо галоши.

– Что вы делаете? – испуганно спросила неразумная пришелица. – Это же очень вредно – все время носить резиновую обувь. Ноги сгорят!

– Да я так всю жизнь хожу, и ничего, – обиделся дед, совсем недавно, по его словам, бывший десятиклассником. – У нас иначе нельзя, глина кругом. Чуть дождь – грязь до ушей.

Молодая женщина поглядела в запыленное окошко. Если в городе позавчера наконец-то после более чем месячного перерыва все-таки прошел дождь, то здесь им и не пахло. Зелень пожухла, а земля потрескалась, будто в пустыне Гоби. Но, очевидно, ареневцы приоделись, вернее, приобулись в предвкушении грядущих циклонов.

– Что же делать?! Мне непременно нужно в Вышние Осьмаки...

– Да, не повезло, – сочувственно кивнул ГенаМ. – Главное дело, сегодня аж три попутки туда было, буквально час-полчаса назад. Мы с мужиками загорали за околицей, глядь – трюхает «уазик». Тормознул рядом с нами, высунулся такой справный парень моих лет, кудрявый из себя, и спрашивает, как на Осьмаки проехать. Ну, мы ему объяснили, он нам дал на пивко за совет и упылил. Только кинули, кому в магазин бежать, едет джип, этот, «ланд»... Ну, могучий такой джипяра, колеса с шипами. И ему Осьмаки понадобились! Тоже не пожадничал, понял, что людям надо поправиться. Я уже пошел было в магазин, как видим – пылит по дороге эта, как ее... «Мерседес»! Едет она, значит, и около нас притормаживает. Ну, мы тут, не дожидаясь вопросов, орем в три глотки, как хор мальчиков: «На Вышние Осьмаки поворот направо, по заброшенной дороге!» Думали, из окошка веером червонцы полетят, а он, гад такой, дал газу – только ручкой помахал.

– А может, еще пойти подождать? – с надеждой спросила красавица. – Вдруг еще кто-то проедет и дорогу спросит?

ГенаМ осторожно поволок с прилавка сумку с бутылками:

– Это навряд ли. Удача до трех разов ходит, известно, да и то на третьем, вишь, спотыкается. Еще год сидеть можно, а не дождешься, чтоб проехал кто. Тем более на Осьмаки!

– Кому тут в Осьмаки? – вдруг раздался громовой голос, и ГенаМ от неожиданности выпустил свой ценный груз. Однако в то же мгновение откуда-то протянулась могучая ручища и поймала сумку в сантиметре над бетонным полом, встреча с которым, конечно же, кончилась бы плачевно для ее хрупкого содержимого.

– Держи, дедуля! – Сумка полетела к хозяину, которого аж зашпало. – А ты, красавица, живенько брось мне пару ящичков «Нижегородской». Сдачи не надо.

Из разлапистой руки веером посыпались не червонцы даже, а пятидесятки и сотенные, на которые продавщица налетела коршуном и успела сгрести их под прилавок прежде, чем чей-нибудь острый глаз мог хотя бы прикинуть размер этой самой ненужной сдачи.

– Так кому в Осьмаки? – повторил щедрый покупатель, разворачиваясь к очереди.

Очередь замерла.

Если правда, что человек произошел от обезьяны, то в магазине стояло живое подтверждение теории дарвинизма. Причем, судя по всему, в данном случае процесс завершился буквально только что, даже волосяные покровы еще не успели сойти с тела вновь образованного гомо сапиенса. Если бы любителю «Нижегородской» прикрыть лицо, его вполне можно было бы продемонстрировать в зоопарке вместо гориллы. Могучие клубки мышц, глыбы плеч, шея в два обхвата, плавно сужающаяся к макушке бритой белобрысой головы... Однако лицо у гориллы было уже вполне человеческое и даже симпатичное, когда бы не портил его подбородок, косо срезанный под детскими, пухлыми губами.

Большие голубые глаза грозно сузились, когда их обладатель не услышал ответа на свой вопрос, и покупатели, все как один, вдруг решили, что попусту тратят в очереди драгоценное время, которое можно было бы использовать для хозяйственных дел, прогулок за околицей или, к примеру, для чтения романа «Граф Монте-Кристо». Магазин как-то враз опустел, и по одну сторону прилавка осталась продавщица, а по другую – экспонат из музея дарвинизма и неземная красавица.

Голубые глаза расширились при взгляде на ее стройную фигуру и немыслимые ноги.

– Мать твою... – выразила горилла свое неподдельное восхищение и брякнула на прилавок кулачище с зажатой в нем пачкой купюр. – Шампанского даме!

– Это ей в Вышние Осьмаки! – возбужденно доложила продавщица, выставляя черно-серебристую бутылку.

– Да что ты мне даешь? – рявкнул покупатель. – Ящик волоки! Ящик шампанского!

Продавщица, спотыкаясь, зарысила в подсобку.

Гориллообразный субъект одним махом содрал фольгу, отвинтил проволоку, пробка ударила в лампу дневного света, и в магазине резко наступили сумерки. Впрочем, девушка этого даже не заметила, потому что пыталась спастись от пенистой струи, хлынувшей из бутылки, словно из огнетушителя.

Подтверждение теории дарвинизма с неподдельным восторгом наблюдало за грациозными движениями ее изящного тела.

Убедившись, что ни одежде, ни прическе не принесено урону, девушка подняла на гориллу затуманенные очи.

– Извините, – выдохнула она, – а вы случайно не в Вышние Осьмаки едете?

Человекообразный субъект кивнул, зачарованно протянув ей шипящую бутылку.

Девушка машинально приняла ее.

– А вы меня не подвезете?

– Подвезу, – хрипло выдохнул гигант. – На край света подвезу!

Продавщица с грохотом проволокла по полу ящик. Недавно образованный гомо сапиенс выхватил еще одну бутылку шампанского, столь же эффектно открыл ее, не разбив ничего на потолке лишь потому, что разбивать уже было нечего, и картинно чокнулся с девушкой, брякнув своей бутылкой о ту, которая была у нее в руке:

– Со знакомством! Виталя меня зовут. А тебя?

Девушка провела языком по губам. Это движение выдало бы проницательному наблюдателю ее крайнее замешательство, однако Виталя при этом испустил сдавленный стон и торопливо залил пожар шампанским.

Она тоже сделала отчаянный глоток и выпалила, словно решившись на что-то невероятное:

– Ирина... Ирина Бурмистрова.

– Иринка, значит, – ласково уточнил Виталя. – Красивое имя! И ты... ты тоже бамбук!

Девушка испуганно хлопнула ресницами, но потом решила, что это комплимент ее стройности. Впрочем, особо вдаваться в сущность комплимента времени не было: Виталя засунул по

бутылке шампанского в карманы необъятных шортов, сграбастал в каждую ручищу по ящику водки и скомандовал:

– На выход!

Ирина потащилась за ним будто во сне. Ей уже давно казалось, что с ней происходит нечто нереальное, какая-то фантастика, ну а сейчас это ощущение усугубилось. Виталья так на нее смотрел... Вообще-то сегодня с самого утра все мужчины смотрели на нее именно так. И, надо признать, это доставляло ей удовольствие. Но все же откуда-то с обочин сознания нет-нет да и высовывалась ехидненькая мыслишка: «Что ты о себе возомнила, интересно?! Они, дураки, ничего не знают, но ты-то, ты... Кому голову морочишь?!»

Ирина запуталась на ступеньках в своих каблучищах и влетела напрямиком в объятия Витали, который уже запихал ящики в багажник огромного серебряно сверкающего автомобиля и даже избавился от бутылок.

– Ух ты какая тоненькая! – пробормотал Виталья. – Хоть узлом тебя завяжи. Прямо змейка! А ты, между прочим, змеев боишься?

– Не змеев, а змей, – уточнила девушка с видом человека, привыкшего исправлять речевые ошибки ближних своих, но тут же испугалась: – А что, тут водятся змеи?!

– Одного я своими глазами видел час назад, – хохотнул Виталья, снова проигнорировав родовую ошибку. – Садись. А ну, красивая, поехали кататься!

Ирина заскочила на переднее сиденье и села, пытаясь натянуть юбку на колени. С тем же успехом Ева могла проделывать это со своим фиговым листком. Но рядом с Евой не было гориллы с горящими голубыми глазами! Однако имелся в наличии Змей, что еще хуже. Змей, змей... Ирина вздрогнула всем телом от такого совпадения, но оказалось, что это дрогнуло, срываясь с места, мощное сооружение на колесах.

Миг – и позади осталась не только привокзальная площадь с «кометой Сириус», но и весь поселок. Промелькнул столбик с табличкой «Арень», перечеркнутой красной полосой, – и к дороге с обеих сторон подступили сосны.

– Что это? – испуганно обернулась Ирина Бурмистрова.

– Чего такое? – покосился назад и Виталья, почему-то сняв правую руку с руля и сунув ее под сиденье.

– Да вот табличка. Слово «Арень» перечеркнуто. Значит, это все-таки была не Арень?

Виталья снова взялся за руль обеими руками и издал короткое ржание.

– Да это значит, что Арень кончилась. Дорожный знак! На въезде – надпись без черты, на выезде – с чертой. Элементарно, Ватсон! Откуда ты взялась, что таких простых вещей не знаешь?

– Ну, конечно, я редко выезжаю из города, – призналась Ирина. – Работы много, да и вообще.

– Да и вообще? – со значением повторил Виталья. – Конечно, у такой девчонки, как ты, с утра до вечера небось это самое вообще. И с вечера до утра!

Он захохотал.

Ирина покосилась на своего развеселого водителя. Ясно, за кого он ее принял! Но вместо того, чтобы возмутиться, она вдруг почувствовала, как что-то запузырилось в ее душе, как несколько минут назад пузырилось в желудке шампанское. Это снова забродил дух авантюризма, поселившийся в ее душе несколько дней назад, а если честно, то вчера.

Вчера! Боже! Неужели все это началось только вчера?! Сутки назад?! Ирина ошеломленно покачала головой, и впервые слова «Чудилось, целая жизнь прошла с тех пор!» показались ей не заезженно-банальными, а просто истинными. Впрочем, что есть прописная истина, как не банальность, с которой мы рождаемся и умираем?

– Ты работаешь-то где? – спросил между тем Виталья, выныривая из глубокой колдобины, залегшей на пути, как тайный враг. Впрочем, следует сказать, что на всей дороге таились такие

«враги». От асфальта осталось только жалкое крошево по обочинам, и если бы не высокие колеса и мощные рессоры авто, поездка превратилась бы в нечто зубодробительное и скуловоротное. А так седоков лишь слегка подбрасывало на сиденьях.

– В областной библиотеке, – сказала Ирина и тут же пожалела, что не придумала что-нибудь этакое, необыкновенное. Могла бы сказать, например, что работает моделью или... или... Увы, фантазия у нее насчет экзотических профессий была бедновата. Да и вообще она не очень любила врать. – В отделе редких фондов.

– А в Осьмаки зачем? К родне?

– Да нет, родни у меня там нету...

Ирина замялась: без вранья все же не обойтись. И надо придумать что-нибудь поскорее, иначе она из-за этой своей идиотской врожденной честности все так и выложит Витале. Вот уж воистину: простота хуже воровства! Вспомни, сколько неприятностей причинила тебе твоя дурацкая искренность, и сделай, наконец, выводы! Надо было все три часа в электричке не отражением своим любоваться в оконном стекле, а легенду сочинять. Пусть это первый вопрос о цели ее поездки в Осьмаки, но далеко не последний, уж точно. Что бы такое соврать?.. И вдруг ее осенило:

– В командировку еду. Деревня хоть и развалилась, но, по слухам, осталась нетронутой сельская библиотека. А в ней были очень ценные экземпляры. Вот я и еду уточнить, что именно там осталось, нельзя ли пополнить наши фонды.

– Библиотека – это где книжки? – уточнил Виталья.

– Ну да, – удивилась Ирина.

– Да плюнь ты на свои Осьмаки, – дружески сказал Виталья. – Книжек я тебе хоть вагон куплю. Пройдем по Большой Покровке в Нижнем – всех «тормозов» обчищу!

– Спасибо, конечно, – несколько растерялась Ирина. – Но мне нужны непременно старые книги. Я ведь не только в библиотеку еду – еще хотела по местным жителям походить. Здесь места староверские, до сих пор у кого-то могут сохраняться, к примеру, направленные Библии, ну, еще до раскола изданные, хотя это вряд ли, конечно, это ведь настоящий клад...

Стоп! Ирина заставила себя в буквальном смысле прикусить язык и сморщилась от боли и злости. Дура болтливая!

Сосняк, плотной стеной стоявший вдоль дороги, внезапно поредел, а потом и вовсе разошелся, и перед Ириной открылась небольшая деревня. У въезда стоял столбик с табличкой, однако разобрать на ней хоть слово было невозможно: железо все было изорвано дырами, словно кто-то тыкал туда железным острым пальцем.

– Что это?

– Да ну, чепуха! – ухмыльнулся Виталья. – Мы со Змеем тут позавчера тренировались в стрельбе из автоматического оружия.

Ирина испуганно моргнула:

– Со змеем?.. Но разве они умеют стрелять?

– Не знаю, как насчет остальных, а этот очень даже умеет! – обиженно сообщил Виталья, виртуозно огибая ямину посреди безлюдной деревенской улицы. – Обставил меня на пару ящиков, гад ползучий. Видела, я водярой затарился по самое не могу? Вот, мой проигрыш. Но это даже к лучшему, ведь иначе я б не встретил тебя. Сейчас приедем, в сауне попаримся, выпьем со знакомством...

– Да мы уже вроде бы пили, – глухо сказала Ирина, снова пытаясь растянуть свой фиговый листок до размеров простыни и незряче глядя в окно.

Вдоль дороги тянулись одичавшие сады и огороды, среди которых виднелись дома с заколоченными окнами, провалившимися крышами. Коза на обочине оказалась единственным признаком жизни этого заброшенного селения. Однако Ирину сейчас интересовали не теплокровные млекопитающие, а только пресмыкающиеся.

Если отбросить бредовые домыслы о гадюках, кобрах и гюрзах, выдрессированных для стрельбы из автоматического оружия, следует, наконец, догадаться: Змей – это прозвище человека. И если Ирина правильно поняла это «мы», проскочившее у Витали, ее намерены пригласить в гости к Змею?

Нет, это ни к чему. Может быть, ей и удалось опередить тех, кто висит у нее на хвосте, но надолго ли? Времени у нее всего ничего, нельзя терять ни минуты. И вообще, не исключено, что, приехав в эти самые Осьмаки, она нос к носу столкнется с... да что говорить, с пулей она столкнется, потому что стоит этому типу ее увидеть, как он сразу начнет палить, это же ясно! А она и знать не будет, откуда, так сказать, «прилетело», потому что не знает своего врага и не узнает его, даже столкнувшись с ним нос к носу!

Ирина вся сжалась от страха, опуская голову, чтобы скрыть набежавшие слезы, но тут же вспомнила, что произошло сегодня утром, и настроение мгновенно улучшилось. А ведь он тоже... Она улыбнулась, снова забурили те же самые шампанские пузырьки вновь обретенного авантюризма, однако вино ее души тут же и выдохлось, стояло в поле Иринино зрение мелькнуть табличке с перечеркнутой красными буквами надписью: «Вышние Осьмаки».

«То есть как это? – растерянно оглянулась Ирина. – Знак, что Осьмаки кончились, есть, а что они начинались – нет?»

И тут до нее дошло, что тот самый изрешеченный пулями кусок железа, болтавшийся на столбе, и был названием деревни! Выходит, Виталя отлично знал, что они уже в Осьмаках? Знал и не сказал?!

– Остановите, остановите, – забормотала она, хватаясь за ручку двери. – Я уже приехала, я уже сойду.

– Да ладно-ка! – вальяжно пробасил Виталя. – Чего тебе тут делать, на этом кладбище? Пыль книжную глотать? Это знаешь как для легких вредно! Поехали лучше к нам на базу. Тебе полезно на природе пожить, вон ты какая бледненькая.

– Здесь тоже природа! – взвизгнула Ирина, изо всех сил дергая ручку, но та не поддавалась ее усилиям.

– Не дергай, а то сломаешь, – мягко посоветовал Виталя. – Здесь вообще вся система запоров блокируется как «четыре-один», то есть если один замок сломаешь, все из строя выйдут. Тогда придется нам с тобой тут жить всегда. А чего? Выпить есть чего, спать есть где. – Он нажал на какую-то кнопку, и спинка Иринино сиденья внезапно откинулась, так что девушка оказалась простертой плашмя. – Нет, здесь очень даже можно жить... половой жизнью.

Ирина мгновенно вышла из ступора и взвилась над сиденьем так, что макушкой врезалась в потолок. Замолотила кулаками в стекло, но оно не поддавалось. И безлюдье, такое безлюдье кругом! Мелькнула на обочине деваха в красном сарафане; рядом лениво брела корова, которую деваха то и дело подхлестывала прутом. Корова вскинула голову, встретившись своими огромными безмятежными глазами с безумным Ирининым взглядом. И у девахи были точно такие же сонные, равнодушные глаза...

– Лежать! – скомандовал Виталя, хватая Ирину за волосы и опрокидывая на сиденье. – Ну чего дергаешься, тут одни старухи да старик столетний, в этих Осьмаках. Кто тебя услышит? А если даже и услышит... Да чего ты колотишься, не пойму, нас же там всего двое, на базе! Не на «субботник» же везу. Лежи! – рявкнул он, теряя терпение и награждая Ирину звучным шлепком. – А то ты меня возбуждаешь, мне уже сидеть больно. Еще раз дернешься – и я... Вот так, умница, – хохотнул одобрительно. – Хорошая девочка, лежи тихо!

Она лежала тихо. А что еще оставалось делать?

* * *

Ветер всполошенно пронесся в вершинах деревьев и стряхнул на землю последние капли, оставшиеся от вечернего дождика. Несколько капель угодили в макушку человеку, который стоял, прислонившись к стволу. Он стоял здесь так давно и неподвижно, что словно бы слился с деревом и был совершенно невидим со стороны. Да и видеть-то его было некому: весь дом давно спал. Этот человек тоже с трудом боролся со сном, даже на какое-то мгновение задремал с открытыми глазами, и спросонок ему померещилось, будто с дерева спорхнула стая птиц и осыпала его мелкими ударами железных клювов.

Хрипло выругавшись, он выскочил из-под дерева и сильно потер макушку. Когда ладонь угодила в мокрое, он решил, что птицы не только клевали его, и пробормотал новое проклятие.

Отогнув рукав рубашки, человек посмотрел на часы и, сообразив, сколько времени простоял под деревом, выругался в третий раз. Так они не договаривались, нет, так не договаривались!

Он окинул взглядом двор, полный черных неподвижных теней. За эти несколько часов глаза его привыкли к темноте, и он сразу разглядел пластиковый грибок телефона-автомата. Бесшумно пересек двор, поднырнул под навес и хмыкнул, увидев, что с телефона сорван диск, а трубка срезана под самый корень. Однако это его мало расстроило, поскольку в его кармане лежал сотовый телефон. Идти в автомат понадобилось ему исключительно для маскировки: с улицы во двор нет-нет да и залетали синие отблески милицейских мигалок (после вечернего происшествия из этого района не уезжала патрульная машина), а что может быть более естественно, чем человек, звонящий по телефону? Даже в глухую ночь. Может, он «Скорую» вызывает. Или разыскивает загулявшую жену по ее подружкам. Или вообще в милицию звонит!

Эта мысль его развеселила, и улыбка блуждала по его лицу, пока он набирал номер. Но стоило зазвучать в трубке голосу, как лицо человека стало прежним: настороженным, недобрым.

– Алло?

Это округлое слово в устах ответившего было острым, как нож.

– Это я.

– Твою мать! Куда ты пропал?

– Никуда, – удивился звонивший. – Я тут стою. А что?

– Ну, я ведь жду. Думал, может, тебя повязали.

– Пока нет. Не за что!

Эти слова, похоже, не понравились человеку, ответившему на звонок:

– Какого хрена?! Ты что, еще не?..

– Она дома. Она сидит дома, никто к ней не приходит, все тихо.

– Ну и в чем дело?

– Она еще не спит, свет горит на кухне.

– Может, ушла, а свет погасить забыла?

– Ну куда она уйдет, ты сам посуди? – раздраженно буркнул звонивший. – Она ведь даже от ментов вернулась домой, не осталась с ними. Могла бы не возвращаться, верно?

– Вернулась, а потом смылась, зараза, – с ненавистью буркнул тот, кто ответил на звонок.

– Дверь подъезда у меня перед глазами. Никакая собака не выходила.

– Точно? Она ведь хитрая, сучка, я ее знаю!

– Да ты видел-то ее полторы минуты, – буркнул звонивший, которому вдруг осточертел этот разговор. У него промокли ноги, и немедля захотелось по малой нужде.

– Этого мне на всю жизнь хватило. Никогда не забуду, как она... Никогда ее не забуду!

В устах этого человека его слова звучали отнюдь не приятным легковесным обещанием. Они звучали как смертный приговор. Да они, по сути, им и были – смертным приговором.

– Да что мне, в дверь ломиться? – переминаясь с ноги на ногу, проворчал звонивший. – Ты знаешь, на сколько замков она заперлась? И соседи ее все сейчас на стреме. И ментовозки тут шныряют мимо двора.

В трубке воцарилось молчание. Оно длилось долго, и звонивший не вытерпел: переложил трубку в левую руку, свободной расстегнул штаны и сделал то, что хотел, шныряя при этом глазами с освещенного окна на втором этаже к двери подъезда.

Он уже закончил свои дела и даже мог бы повторить при желании: в трубке по-прежнему царило молчание.

– Блин, отключилось, что ли? – с досадой пробормотал звонивший. – Эй, ты где?

– Я здесь, – отозвалось ему. – Я здесь! Штаны не намочил?

– Откуда ты... – Звонивший вздрогнул, когда в трубке вдруг запикали гудки. – Ну, сволочь!

– Придержи язык, пожалеешь, – тихо, быстро шепнул ему кто-то в ухо, а в шею воткнулось что-то ледяное, круглое.

Звонивший скрежетнул зубами:

– Псих! Ты здесь? Ну, ты и... не веришь, что ли? Мне не веришь?

– Доверяй, но проверяй.

– Убери ствол, больно.

Его послушались, но вслед за этим звонивший почувствовал холодную металлическую тяжесть в своей руке.

– Хватит тут стоять. Бери и делай.

– Да у меня свой есть. – Звонивший подергал плечом, как если бы у него что-то чесалось под мышкой.

– На здоровье, работай своим. Вон там над подъездом труба газа проходит. Очень удобно. Если уж я сиганул оттуда без ущерба для здоровья, ты уж всяко залезешь. А я подстрахую около квартиры.

И он вошел в дом.

Человек, который караулил под деревом, а потом звонил по телефону, разбежался, пружинисто подпрыгнул и ухватился за край бетонного козырька, нависавшего над дверью подъезда. С силой забросил тело на козырек и встал. Желтая труба газоснабжения проходила совсем рядом, однако его ловкому телу она была не нужна. Он дотянулся до края балкона и через секунду уже перемахивал через перила, стараясь не задеть ящики с цветами, которыми они в изобилии были украшены.

Держась так, чтобы не попасть в блики света, падавшего из соседнего окна, он осторожно сунул какую-то плоскую штуку в щель между косяком и балконной дверью, и вскоре ручка запора мягко повернулась.

«Отлично!»

Впрочем, человек тут же разозлился на себя. Он мог бы и сам решиться рискнуть, не ждать, пока появится этот Псих и пинком под зад пошлет его делать привычное дело. Сейчас уже все закончил бы и спал спокойно.

Он сунул руку под рубашку и достал из подмышечной кобуры пистолет. Снял с предохранителя и утвердил палец на курке.

Балконная дверь открылась бесшумно. Он умел делать такие вещи, умел беззвучно втираться в узкую щель и невесомо перемещаться по старым, скрипучим половицам так, чтобы они не издавали ни звука. Сразу отпрянул от окна в сторону, к стене, чтобы его силуэт не вырисовывался на фоне окна, и помедлил, пока глаза снова не привыкли к темноте.

Где-то за стенкой методично капало из крана. И это был единственный звук, нарушавший тишину. Сигнализация в коридоре не пищала. Человек усмехнулся, вспомнив рассказ того, кто его сюда послал. Все, что Псих смог сделать, – это в сердцах сорвать проводку, хотя следовало бы обмотать ее вокруг шеи этой твари и покрепче затянуть. Не удалось. И на крутых, значит, старух бывает проруха. А строит-то из себя...

Он досадливо оскалился и невесомо двинулся к дивану, на котором белела постель. Прищурился: диван был застелен на ночь, но пуст. Значит, она все-таки на кухне. Или в ванной. Там, где капает вода.

Огибая углы – тесная комнатенка была заставлена мебелью, – он переместился в узенький тамбур, ведущий в кухню.

Дверь закрыта. Потянул ее на себя – и ворвался в крошечное помещение, с трудом удержавшись, чтобы не нажать на курок.

Пусто!

Отпрянул в коридорчик, дернул дверь в ванную (в двери зияла россыпь крошечных дырочек).

Пусто!

В прихожую, стукнув кулаком по выключателю, – пусто! Дернул входную дверь – заперта.

Ну-ну...

Теперь, когда он уже обнаружил себя, можно было не таиться. Хозяйка, конечно, забилась в какую-нибудь щель в безумной надежде, что ее ночной гость поудивляется пустоте квартиры и уберется восвояси. А зря надеется! Он найдет ее: в нише, в шкафу, под диваном, под столом – куда бы она ни спряталась в паническом страхе. Если понадобится, он поднимет каждую доску пола!

Он включил свет и первым делом рванул дверку стенной ниши, которая исполняла в этой маленькой комнатке роль гардероба.

Обыск был закончен за минуту. После этого человек с пистолетом остановился посреди комнаты и тупо уставился на пол, словно и впрямь вознамерился поднимать доски.

Похоже, ему оставалось только это: квартира была пуста.

* * *

Девчонка плакала около автобуса.

Плотная, широкоплечая, круглощекая, с разноцветными перышками волос, она то стискивала руки на груди, то бросалась вперед и начинала стучать в стекло.

– Позвони мне! – кричала она. – Позвони, ну пожалуйста! – И вдруг: – Я тебя люблю! Люблю!

Люди, стоявшие на остановке, пялились на нее во все глаза, шофер тоже посматривал в зеркальце заднего вида, но не трогался с места. Он хотел, чтобы полупустой автобус заполнился. И ему было все равно, что человек, которому это адресовалось, явно мечтает провалиться сквозь землю.

На него оглядывались. Кто-то понимающе вздыхал, кто-то откровенно ухмылялся. Есть такие люди, которые считают, что они вправе откровенно ухмыляться над теми, кто попал в затруднительное положение. Их довольно много развелось на свете, этих ухмылял...

Катерина не удержалась и оглянулась тоже. Ладненький, хорошенький парнишка, сидевший на заднем сиденье, то натянуто улыбался своей неистовой подружке, то воровато озираясь. Встречал обращенные к себе взгляды – и горбился, опускал голову, украдкой махал через стекло: уходи, мол, но девчонка то ли не понимала, то ли просто не в силах была уйти.

– Позвони, ну пожалуйста! – кричала она сорванным голосом, тиская на груди футболку.

– Пьяная, что ли? – слишком громко сказала какая-то женщина, одна из тех, которые считают себя вправе во всеуслышание высказывать самые грубые и нелепые свои предположения...

Дверцы громко закрылись, и Катерина услышала, как парнишка испустил вздох нескрываемого облегчения.

Руки у девчонки бессильно упали.

– Я же люблю тебя! – отчаянно выкрикнула она и вдруг ударила себя по щекам – сильно, отчаянно. Сперва по одной, потом по другой.

Автобус сильно взял с места, словно испугался. Катерина отвернулась.

Она смотрела в окно, но ничего не видела, кроме пухлых короткопалых ладоней, которые били по тугим щекам.

За что она себя так? Почему любовь заставила ее возненавидеть свое лицо? Ну да, она понимает, что не нравится, не может понравиться этому тихому хорошенькому парнишке с густыми, словно расписными бровями и длинными, нарядными ресницами, слабым подбородком и ярким ртом. Таким нравятся нежные блондинки со смазливими личиками и развязной походкой, длинноногие, тоненькие. И она избивала себя за то, что не уродилась именно такой, а значит, этот парнишка никогда...

Автобус бодро промчался по опустевшей улице, но не успел проскочить светофор и рывком затормозил. Прямо напротив Катерины образовалось огромное лицо, от которого она испуганно отшатнулась, не сразу сообразив, что видит перед собой рекламный плакат. Лицо на плакате было разделено на две половинки: одна – вся какая-то сморщенная, непроходимо уродливая, а вторая – неопишущей красоты, ну натуральная Мэрилинка! Вернее, ее половинка. Многоцветная надпись просто-таки кричала о сети косметических салонов «Аллюр», где любая и каждая особа могла бы из дурнушки стать несусветной красавицей с помощью каких-то там липостероидов, выращенных на космической станции «Мир».

Красный глазок светофора сменился зеленым, автобус тронулся. Интересно, видела этот плакат та девочка, что, наверное, все еще плачет на остановке? Да если даже и видела! Эти липо, или как их там, по карману небось только женам мэров и губернаторов. Или женам «новых русских». Хотя «новые-то русские» и так женятся исключительно на красавицах, которым не нужны никакие вспомогательные средства.

Катерина оглянулась, но плакат уже остался далеко позади. Да и черт с ним! Ну что, в самом-то деле, такое красота и почему ее, так сказать, обожествляют люди? Не родись красивой, а родись счастливой!

А счастье – это любовь...

Катерина вдруг ощутила острое, почти неодолимое желание поменяться судьбами с той крепко сбитой, невысокой, до одури влюбленной девчонкой, отдать ей свое стройное, вернее сказать, худое тело, свои длинные ноги, русые волосы и равнодушное сердце. И свое неумение плакать – вот так горько, отчаянно, навзрыд и напоказ. Забрать ее острое, мучительное горе, которое когда-нибудь избудется, потому что даже сейчас, ненавидя себя, девчонка сердцем надеется: это пройдет, жизнь и время залечат раны, появится другой человек, которому нравятся именно такие складненькие, плотненькие дурешки с простодушными мордашками...

Вот на это самое и махнулась бы Катерина не глядя: на надежду! На умение жить в ожидании чуда. Мечтать о счастье, которое не имеет конкретного образа вовремя выплаченной зарплаты или еще какой-нибудь такой же ерунды: просто счастье будущего.

Чего не дано, того не дано. Наверное, раньше, лет десять назад, она тоже была такой, так же таранилась в далекие дали, но уж и не вспомнить теперь, когда это минуло.

Автобус-экспресс промчался мимо ярмарки, свернул на мост, потом на набережную, и картина заката, ранее скрытого высокими домами, вдруг открылась во всей красе. Солнце уже ушло в воду, виднелся только ярко-золотистый край, и это сияние размывалось серо-лило-

вой полосой, а выше сгушалось немыслимо малиновым цветом, бросавшим яркие отсветы на темнеющие с каждой минутой облака. К востоку их уже не было, там небо казалось лазурно-прозрачным, как дорогой шелк. И на пышную зелень, покрывшую склоны, легли золотистые блики, и Воронья башня кремля, самая красивая из всех башен, вдруг словно бы засветилась изнутри тревожным красным светом... После пасмурного дня с промельком долгожданного дождя этот немыслимый закат был как внезапный подарок. Кому?

«Да уже не тебе», – едко сказала Катерина.

И, словно подтверждая это, автобус резко повернул от Волги. Закат исчез из глаз, и пока автобус медленно тащился в гору, забираясь на площадь Минина, пока ехал по улице того же названия, а потом выруливал на Сенную, небо уже померкло, и когда Катерина вышла на своей остановке, оно было самым обыкновенным, тускло-серым. Еще не стемнело, но свет меркнул с каждым мгновением, и Катерина ускорила шаги.

На эту троицу она обратила внимание сразу. «Стекляшка» была уже закрыта, а они с выжидательным видом топтались у крыльца. Может, правду говорят, что постоянным клиентам спиртное в «стекляшке» продают всю ночь? Да, эти трое очень похожи на постоянных клиентов...

Катерина засмотрелась на них и споткнулась. Не приземлиться на коленки удалось только потому, что спотыкалась она довольно часто и приобрела определенные навыки в этом деле. Однако для случайного зрителя ее пируэт с подскоком выглядел, конечно, глупо, и «постоянные клиенты» дружно фыркнули.

Вновь обретая вертикальное положение, Катерина свернула во двор и с максимальной скоростью устремилась к своему крыльцу. За ее спиной по треснувшему асфальту зазвучали шаги. Эхо, что ли?

Катерина покосилась через плечо. Нет, не эхо: троица двинулась за ней. Возможно, не за ней, но в том же направлении?

За ней! Тоже вошли в подъезд, затопали по ступенькам.

Катерина замерла возле почтовых ящиков.

Пусть эти типы пройдут. А если останутся рядом, она заорет. Заорет! Господи, да кому она нужна, уродина, ее небось и изнасиловать никому неохота будет, разве только какому-нибудь несчастному маньяку, которому совсем уж некуда деться!

Она изо всех сил тарашилась сквозь шелку в темноту ящика, словно высматривала, лежит там какое-то послание или нет. Проще было бы открыть да проверить, но Катерина не решалась достать ключ при этих... Ключ от почтового ящика висел на одном колечке с квартирными, и незачем дразнить гусей. Хотя квартирный, который гаражный, мог в случае чего послужить неплохим оружием: длинный, плоский, отдаленно – очень отдаленно! – напоминающий стилет. Если нападут, можно ткнуть им кого-нибудь в глаз, другого стукнуть по ноге острым каблуком, третьего садануть локтем в бок...

Вот жизнь настала, а, если при встрече с незнакомым человеком нужно первым делом думать, как от него обороняться!

Троица «постоянных клиентов» промчалась вверх по лестнице, даже не взглянув на Катерину.

– Да Витька просто облезет, когда мы к нему завалимся! – слишком высоким, пьяным голосом выкрикнул один из них, в огромной кепке, прикрывающей лицо. – Облезет и неровно обрстет!

Катерина перевела дух и побрела наверх, размышляя, кто же из ее соседей этот Витька, которому уготована столь жуткая участь. Скорее всего, новый муж Светки Ковалевой. Она выходила замуж так часто, что даже фамилию не меняла: какой смысл, все равно ненадолго?

Витькины гости топтались на втором этаже. Так и есть, в Светкину квартиру звонят. Только они не знают, что Светка с новым мужем куда-то уехала с утра на его хорошеньком «Форде». Странно, что у обладателя такой машинки столь зачуханные приятели! Ну, может, друзья детства?

Размышляя об этом, Катерина достала из сумки ключ, вставила в скважину, но в это самое время что-то сильно, больно уткнулось ей под ребро, и незнакомый голос пробормотал:

– Открывай быстро, не дергайся.

Катерина замерла.

Те трое стояли рядом, взяв Катерину в темное кольцо, буквально прижавшись к ней, словно они были друзьями именно ее детства, а не Витькиного. И вдруг Катерина поняла, что и ему они не друзья, что, может, и Витьки-то не существует никакого в природе, а Светиною мужа зовут, к примеру, Никодим или Пафнутий. Именно она была целью этих парней, которые ей с первого взгляда показались пугающими и подозрительными. Особенно тот, худощавый, в огромной кепке, сдвинутой на лицо...

Но хватит стоять столбом! Теперь выхватить ключ из скважины, всадить одному в глаз, другого ударить по щиколотке каблуком, третьего садануть в живот локтем...

Но ключ всегда вытаскивался с усилием: замок давно следовало смазать, а она не смазала. Локти у нее были заблокированы: в них вцепились сильные руки. А лягаться не имело никакого смысла, потому что туфли с острыми каблуками стояли дома на полке для обуви, на Катерине же были надеты босоножки на мягкой, плоской подошве вообще без каблуков.

– Крикнешь – застрелю, – раздалось над ухом.

– Соседи... – выдохнула она. – Услышат...

– Не беспокойся, пистолет с глушителем.

Голос был ровный, спокойный, в нем не звучало ни полтона угрозы, однако Катерина поверила сразу.

Один замок, другой, дверь открылась, и торопливое пиканье встретило их на пороге.

– Сигнализация ментовская! – выдохнул кто-то за спиной, и пальцы, стискивавшие левый локоть Катерины, испуганно разжались.

– Отключи, – посоветовал тот, со спокойным голосом, и она послушно выдернула вилку из розетки.

Наступила тишина, за спиной раздался вздох облегчения.

– Заходите, быстро! – велел спокойный голос, принадлежавший, как сообразила Катерина, главному в этой компании. – Надо еще на пульт позвонить.

У нее упало сердце. Она-то надеялась, что эти типы не знают, как на самом деле отключается сигнализация. Тогда у нее был бы шанс, потому что, если не даешь на пульт отбой в течение двух минут, из отдела охраны немедленно посылают дежурную машину с оперативной группой.

– Где телефон?

– На кухне.

Поддерживая под локоть, ее поволокли на кухню. Катерина покосилась вправо и увидела человека, которому принадлежал тот ровный, пугающий своим спокойствием голос. Повыше ее ростом, худощавый, обыкновенно одетый, вроде бы тот самый, что был в кепке. Однако его лицо... Лица у человека не было!

Катерина пережила мгновение дикого страха, прежде чем поняла, что у него не содрана вся кожа с головы, а просто на нее напаян светлый капроновый чулок.

Трясущейся рукой сняла трубку, но «чулок» вырвал ее, грозно приподняв пистолет. На ствол была навинчена какая-то круглая штука. Очевидно, это и есть глушитель.

– Нашла дурака, – усмехнулся он глухо. – Говори телефон охраны и свой код, я сам позвоню. Ну! Время идет!

Итак, он знает даже про то, что через две минуты...

Она опустила голову, чтобы не видеть, как нетерпеливо подрагивает ствол.

– Наберите 65-18-41. Когда ответят, скажите: 78, Старостина, снимите с охраны, пожалуйста.

– Пожалуйста? Ну-ну.

«Чулок» начал набирать номер указательным пальцем той же руки, которой держал трубку. Надежда на то, что для этого он положит пистолет, погасла.

«Да если бы и положил, ты что, схватила бы его и начала стрельбу?» – зло спросила себя Катерина и вздохнула: ответ на оба вопроса был однозначный: нет.

65...18...41... У нее дрогнуло сердце.

– Алло! – Трубка резонировала, и голос ответившей был отлично слышен.

Катерина вскинула голову.

«Чулок» чуть отстранился, словно опасаясь, что она схватится за трубку, и поднял пистолет к самому ее лицу, чтобы предупредить охоту заорать: «Помогите! Грабят! Убивают!» Катерине было видно, как дрогнул его палец на курке, и она прикусила губу. Что толку кричать...

– 78, Старостина, снимите с охраны, пожалуйста.

– Нет проблем, – отозвался безмятежный женский голос, и послышались короткие гудки.

– Отбой, – заключил «чулок», кладя трубку и выталкивая Катерину в прихожую. – Займитесь ею, ребята, если хотите, а нет, свяжите покрепче. И к делу, быстро!

– Погодите, – выдохнула Катерина, хватаясь за косяк и чувствуя, как у нее подгибаются ноги. – Мне плохо, меня сейчас...

Она не договорила, зажала рукой рот и рванулась в туалет.

«Чулок» шагнул было следом, но тотчас брезгливо скривился и отпрянул:

– Блюет. Эй, присмотрите за ней, а я тут займусь.

Вода в бачке шумела, Катерина не слышала за своей спиной движения, но чувствовала, что кто-то стоит в дверях, меряет взглядом ее напрягшиеся бедра...

Опять спустила воду, выпрямилась, отирая дрожащие губы.

– Прополощи пасть, – велел долговязый смуглый парень, стоявший в дверях. – А еще лучше – зубы почисть, а то я брезгливый. Отсосешь для начала, а там посмотрим.

Катерина снова покачнулась и оперлась на стиральную машину. Туалет в ее квартире был совмещенным с ванной.

– Пожалуйста, выйдите на минуточку, – пролепетала она, не слыша своего голоса за шумом воды. – Мне плохо, плохо, выйдите!

– Щас будет хорошо, – пообещал он, расстегивая штаны.

– Мне... у меня что-то с желудком, мне надо... – Она махнула на унитаз.

Лицо смуглого искривилось, он подозрительно принюхался и отшатнулся в коридор:

– Медвежья болезнь? Давай быстро, да подмойся потом, а то я брезгливый.

Катерина закрыла за ним дверь на защелку и припала к ней лбом. Ей казалось, будто она бумажная кукла, так подгибались ноги и тряслись руки. Но пришлось все-таки найти силы, чтобы обхватить стиральную машину и с силой сдвинуть ее с места, подперев дверь. В жизни не поверила бы, что сможет своротить эту махину! Какое счастье, что дверь в ванную открывается внутрь, это всегда было жутко неудобно, Катерина постоянно мечтала перевесить дверь, но, конечно, так ничего и не вымечтала. И слава богу!

На стиральную машинку она взгромоздила все тазы, и ведро для мытья полов, и вешалку для полотенец, и сами полотенца, и вообще все, что было в ванной. Уперла швабру в косяк и в противоположную стенку. Прислушалась к возмущенному воплю, раздававшемуся в прихожей, и прыгнула в ванну. Всем телом, всем лицом втиснулась в ледяную белую эмаль, и замерла.

Тот, смуглый, бился в дверь изо всех сил, но машина была широкая, она перекрывала косяк и блокировала застёжку. Конечно, если навалятся все вместе... если успеют навалиться...

«Раз, два, три... десять, пятнадцать... тридцать, – считала Катерина секунды. – Господи, ну что так долго, мы в квартире уже не меньше семи минут, а милиции все нет!»

Звонок! Звонок во входную дверь! Обычно он был еле слышен, но сейчас Катерине показалось, будто зазвенело прямо в ее голове. Вся ванна от этого звона заходила ходуном. Опять звонят. И еще раз, еще.

Катерина зажмурилась.

Это не звонок. Это стреляют через дверь, а пули попадают в ванну.

А вот целая очередь! У них что, и автомат есть, а не только пистолет с глушителем?!

И вдруг настала тишина, и Катерина поняла, что слышала не очередь, а непрерывную трель дверного звонка.

Милиция все-таки приехала!

Мгновение тишины.

– Ну, ты меня еще вспомнишь!

Голос долетел до нее – ледяной, мертвенно-спокойный, словно выдох из могилы. А потом – топот, звон, треск, крики...

* * *

Ирина никогда в жизни не видела староверских скитов, разве что на картинках к Мельникову-Печерскому, однако, только взглянув на это затаившееся за подновленным забором мрачное строение, темное от времени, с крестом, прибитым на уровне второго этажа, она сразу поняла: точно, скит! Итак, все же удалось попасть сюда... Другое дело, каким образом. Раньше думала, самым трудным будет отыскать это место и войти внутрь, но, похоже, куда труднее будет выбраться отсюда! Вон какие воротаща, их и тараном не прошибешь. Сейчас на сигнал Витали кто-нибудь выйдет, откроет их, а потом закроет – и...

«Да погоди выбираться-то, – рассудительно проговорил в глубине ее перепуганной, смятенной душонки кто-то умный и смелый. – Воспользуйся случаем, хоть осмотришься! Тебя же никто пока не тронул, верно? Может, и вовсе не тронет».

Виталья не трогал ее, это факт. То ли похоть поостыла, то ли в самом деле побаивался этого Змея. Ирина подумала, что следует быть благодарной этому неведомому существу, иначе Виталья уж, наверное, лишил бы ее невинности прямо в автомобиле, чуть отъехав от Арени. И ей вдруг сделалось жутко смешно при мысли, как он изумился бы, обнаружив, что женщина с такой внешностью оказалась...

Ирина не сдержала невольного смешка, и Виталья одобрительно на нее покосился, решив, что полонянка смирилась со своей участью. Однако тут же он счел, что этот смешок ему почудился, а улыбка на ее ярких губах была просто нервической судорогой.

Да, Ирине теперь было не жутко смешно, а просто жутко. Сцепив руки на груди, расширив глаза, чувствуя, как холодеет лицо, она заворожено смотрела на высокую мужскую фигуру, возникшую в воротах и замершую при виде Витали в обществе незнакомки.

Сказать, что этот человек из ворот вышел, можно было лишь условно, настолько гибки, текучи, неуловимы были его движения. Сказать, что выполз, как-то неловко, ведь перемещался-то он на двух вполне нормальных нижних конечностях. И все-таки ассоциация с движениями пресмыкающегося была полной. Вдобавок он оказался невероятно худ, узкоплеч, с маленькой черноволосой, коротко остриженной головой, которая, вероятно, была слишком тяжела для девичьи-длинной шеи и клонилась то влево, то вправо... точь-в-точь как голова змеи, подстерегающей добычу! И в довершение этого его тощие ноги плотно, как перчатка,

облегали узкие черные брюки из блестящей кожи. Но и этого ему оказалось мало! Все его тощее тело от плеч до пояса было покрыто сплошным узором татуировки, причем не вульгарным тюремным самоделом, синюшным или черным, а настоящей профессиональной татуировкой. Изысканно-многоцветные рисунки словно бы перетекали один в другой, подрагивая и шевелясь при каждом движении худого тела. Они казались чешуей, покрывавшей тело двуногого пресмыкающегося, и Ирина подумала, что, даже не зная она клички этого человека, назвать его можно было только одним словом – Змей.

– Ну, Виталя, тебя только за смертью посылать! – Как ни странно, Змей не шипел, не свистел, а разговаривал вполне человеческим голосом, разве что чрезмерно тонким, даже писклявым. – Тащишься, как хрен по стекловате. Ух ты, какое чудо! Неужто местного разлива?

Перепуганной Ирине показалось на миг, что вовсе не она вызвала эту краску оживления в бледном лице Змея, а ящики с водкой, но тут же иллюзии ее развеялись.

– Только имей в виду, киска, больше 50 баксов за ночь я не даю. Да ты не переживай, – тут же успокоил он, заметив, как вздрогнула Ирина, – Виталя отвалит как минимум столько же, так что свои сто ты всяко заработаешь. Ну и за день положим тебе полсотни за хлопоты... хорошие деньги даже в Нижнем, а уж в этой дыре – тем более! Ну, пошли к столу, там уже все прокисло, пока ты шлялся!

Змей открыл дверцу, которая почему-то мгновенно подчинилась ему, и выволок Ирину из машины. Девушка не взвизгнула только потому, что голос ее превратился в ледяной комок и замер где-то в гортани. Да и вся она настолько оцепенела от ужаса, что не могла шевельнуться.

Впрочем, этого и не требовалось. Змей окольцевал ее талию гибкой длинной ручищей и повлек за собой в дом, чуть приподнимая, когда каблуки туфель на ее неподвижных ногах начинали запутываться в высокой траве. Передвигался он быстро, проворно, и Ирина едва успела ощутить, что его тело вблизи необычайно холодное и даже сыроватое, словно он воистину не был теплокровным млекопитающим, как уже оказалась стоящей на крыльце. Перед ней распахнулась дверь, а потом Змей втолкнул девушку в просторный холл и выпустил из рук. Очень кстати как раз за ее спиной оказалось кресло, в которое Ирина и рухнула, поскольку ноги ей по-прежнему не повиновались.

Откуда-то шло ровное, успокоительное тепло, и девушка почувствовала, что постепенно оживает. Она даже смогла оглядеться и увидела, что тепло исходит от камина, в котором пылала преизрядная лесина. Даже в том состоянии, в каком она сейчас находилась, Ирина не могла не отметить нелепости этого сочетания: староверский угрюмый скит – и камин, сложенный из дикого камня. Впрочем, в доме было прохладно даже в такую лютую жару, как сейчас, и без огня обойтись было трудно. Вряд ли в скиту был такой просторный холл, наверняка все тут было перестроено. Этот камин, столбы-колонны, головы зверей на стенах... Ирине потребовалось несколько минут, чтобы осознать: это не подлинное чучело, а раскрашенная пластиковая имитация. Художнику особенно здорово удалось обгаренные кровью пасти тигра и медведя, а также лосиные рога. Чувствовалось в этих рогах какое-то глубокое знание темы, трепетность какая-то в проработке образа...

Мебели в холле было немного: диван да кресла в разных углах, все застеленные шкурами (тоже не натуральными, а синтетическими, но очень впечатляющими на вид), ковры и подобные же шкуры на полу, а также огромный итальянский стол, покрытый пластиком под малахит, видимо, красоты неопишуемой, но едва различимой из-за изобилия наставленных на него тарелок и блюд.

Ирина, у которой маковой росинки не было во рту со вчерашнего дня, почувствовала легкое головокружение от внезапно пробудившегося голода и с интересом уставилась на стол, где, казалось, не было только птичьего молока, вернее, молочка от бешеной коровки, то есть спиртного. Но его привез Виталя.

Ирина повела глазами вправо-влево и, осмелившись, огляделась.

Она осталась одна: Змей то ли решил помочь Витале разгрузиться, то ли просто выполз по неведомой надобности. В то же мгновение девушка сорвалась с кресла и очутилась около стола. Глаза разбежались, но все же она успела схватить два ломтика сыра и пласт копченого мяса, а также горсточку земляники и даже проглотить все это, прежде чем скрипнула, открываясь, дверь. До кресла бежать было далеко; Ирина метнулась к камину и замерла, протянув к огню руки, делая вид, что греется, а сама в это время усиленно пыталась прожевать остатки сыра. При этом она чувствовала себя Васисуалием Лоханкиным, застигнутым на месте преступления.

– Замерзла? – раздался оживленный голос Витали. – Ну ничего, мы тебя согреем. Хочешь – прямо тут, у камина!

Ирину передернуло. В воображении возникла картина: она валяется на этих синтетических шкурах, придавленная рыжеволосым телом Витали, а многоцветный Змей ждет своей очереди. Или... не ждет, а присоединяется.

Сыр и мясо застывали в желудке в поисках выхода. Вот странно, да? Ирина жизнь прожила в убеждении, что переизбыток мужского внимания – это все, о чем может мечтать женщина, а оказавшись объектом повышенного сексуального интереса двух мужиков, поняла, что это вовсе не столь приятно...

Она обернулась и увидела, что Виталия и Змей выставляют на стол все звенящее и булькающее содержимое водочных ящичков, а также бутылки шампанского. И приступ нового страха пронзил Ирину: не может же быть, чтобы все это были намерены выпить Виталия со Змеем! Наверняка сюда заявятся еще какие-то братья-разбойники, ведь нет никаких сомнений, что она попала в разбойничий притон, на ту самую «базу мафиков», о которой говорили в магазине. Сколько их тут может быть?

Ирину снова замутило. Нет, хватит! Надо выбираться отсюда, и поскорее! Но как?!

– Ребята, а вы очень проголодались? – удалось выдать ей.

– Это в каком же смысле? – похотливо промурлыкал Виталия, и Ирина от отвращения вдруг перестала бояться. Этот Виталия, такое ощущение, не живой человек, а персонаж, сошедший со страниц плохого романа об этих, как их там... отморозках. А если он впрямь такой, каким их описывают в книжках, значит, туп и несообразителен. Со Змеем будет, наверное, сложнее управиться, но следует помнить, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Всякого мужчины! И вряд ли эти придурки являются счастливым исключением.

– Не гони лошадей! – отмахнулась Ирина, очень кстати вспомнив услышанную где-то фразу. – Терпеть не могу сухомятку...

– Да мы тебя подмажем! Виталия, где у нас крем из того секс-шопа? – похотливо заржал Змей, и Ирина в отчаянии подумала, что эти мерзавцы слова в простоте не скажут, каждое, самое невинное выражение имеет для них второй смысл, причем самый грубый и низменный. У нее опустились руки, и только яростное нежелание испытать на себе действие «крема из секс-шопа» заставило продолжать игру.

– Я имею в виду, – отчеканила она, тщательно выбирая слова, – что хотела бы съесть какое-нибудь горячее блюдо, например, жаркое, да и вы, наверное, не отказались бы от нормальной еды. У вас есть что-нибудь в холодильнике, мясо какое-нибудь? Я отлично готовлю, через пятнадцать минут угощу потрясающими отбивными.

– Отбивные по ребрам! – взвизгнул Виталия, который не мог обойтись без словесных игр, но это было уже ничего, мелочовка. Гораздо важнее, что Змей взглянул на Ирину с неподдельным интересом:

– Горяченького покушать, говоришь? А ведь это мысль! Виталия, а ну волоки все, что у нас есть!

– Давайте лучше я сама посмотрю, – с невинными глазами вызвалась Ирина.

Виталия нескрывая обрадовался:

– Пошли! Я тебя провожу. А потом помогу на кухне.

– Только давайте там быстренько, – буркнул Змей, придвигая к столу одно из кресел и начиная с невероятной быстротой метать себе в рот содержимое тарелок. – А я покуда закушу маленько.

Почему-то Ирина надеялась, что Виталья выведет ее во двор, в летнюю кухню. Однако они не пошли во двор. Кухней оказалось соседнее с холлом помещение. Здесь стояли шкафы с посудой и газовая плита, настолько залитая жиром и остатками еды, что прочесть марку оказалось невозможно, и такой же чумазый баллон. А где же холодильник? Кругом царил стойкий запах пищи: в так называемой кухне не оказалось ни одного окна, чтобы проветрить помещение... а также сбежать.

Ирину обдало стужей. Сначала она подумала, что это дрожь ужаса: ведь ее кулинарные таланты были всего лишь плодом ее воображения, однако в следующее мгновение девушка сообразила: холод идет откуда-то снизу.

Виталья отшвырнул табурет и, наклонившись, дернул за толстое железное кольцо в полу. Отвалилась большая квадратная крышка, открылось темное мрачное пространство, веющее ледяным духом.

Ирина отшатнулась. Что?! Ее решили заточить в подвал за непослушание?

– Да ты чего? – удивился Виталья, заметивший это испуганное движение. – Сама же хотела на продукты взглянуть. У нас тут движок хреновый, то потухнет, то погаснет, холодильник и заглохнул. Теперь все в погребе храним. Навезли льда – и ничего! Все всегда свеженькое.

Виталья ловко спустился по земляным покатым ступеням и протянул руки откуда-то из непомерной глубины:

– Ну, иди сюда, не бойся!

Ирина с тоской оглянулась. Самое время захлопнуть крышку и дать деру... но куда? Окошка, как уже было подмечено, в кухне нет, а чтобы выскочить во двор, придется бежать через холл. Вряд ли Змей, чавканье которого слышно даже здесь, спокойно отнесется к ее попытке смыться!

– Эй, ты что, темноты боишься? – хихикнул толстокожий Виталья. – Да мы сюда переноску протащили, вон, видишь, светится? Спускайся, а то я сам тебя спущу!

Ирина неловко сползла на первую ступеньку, так и ощущая заинтересованный взгляд Витали, который, чудилось, во что бы то ни стало решил разглядеть, какого цвета у нее трусики. Ужас в том, что разглядывать там было практически нечего. Чистая символика. А лифчика и вовсе не дали! Ирина уже в который раз за сегодняшний день с отчаянием подумала, что, не иначе, она была утром под гипнозом, если позволила не только сотворить с собой *такое*, но и *так* себя одеть.

Наконец она утвердилась на плотно утоптанном земляном полу.

Даже в полумраке видно было, что лицо Витали не утратило исследовательского интереса. Чтобы отбить у него охоту пойти эмпирическим путем, Ирина торопливо засеменила на свет, деловито бормоча:

– Какой огромный погреб! Здесь, наверное, продуктов на целую армию может сохраниться! Запасливые люди были эти старожилы!

– Ты будешь смеяться, – хохотнул Виталья, – но тут все было забито сундуками со всяким хламом и какими-то заплесневелыми книжками. Такое старье, сырое, вонючее, что его даже крысы жрать не стали.

Ирина споткнулась. Виталья тут же оказался рядом, заботливо подхватил под локоток:

– Да не бойся, в подвале крыс уже нет! Мы тут все мышьяком засыпали.

– А где теперь все те сундуки, те книги? – возбужденно спросила Ирина.

– Как это где? Сожгли, в натуре. Выволокли во двор и сожгли. Это барахло даже гореть поначалу не хотело. Пришлось облить бензином. Ох, и вонища тут стояла!

– Сожгли... – потерянно прошептала Ирина. – Неужели все сожгли?!

– А на хрен оно нужно? Понимаю, еще были бы иконы приличные, сейчас это, говорят, здорово стоит, а то одни доски черные. Не, чепуха все. Слушай-ка, – голос Витали интимно понизился, – а ты типа сообразительная девочка оказалась! Я так и понял, что ты хочешь со мной с первым. Нет, однозначно, Змею тоже придется потом дать, но я тебе так скажу: он кончает в две минуты, поэтому не переживай, практически мы с тобой все время будем вдвоем. Ну, давай по-быстрому, вот тут, у стеночки.

Ирина в первую минуту даже не сообразила, что имеется в виду. Растерянно уставилась на Виталию, который проворно расстегивал джинсы, – и вдруг, пронзительно взвизгнув, метнулась к лестнице.

– Куда?! – изумленно вскрикнул Виталя, мгновенно догнав ее и поймав за платье. Тонкая ткань не выдержала и разошлась на спине. Ирина в ужасе схватилась за грудь, пытаясь поддержать спадающую одежду.

– Да ты только посмотри! – гордо сказал Виталя, поворачивая девушку к себе. – Какой он... красавец, правда? Я туда «шары загнал». Знаешь, это очень просто делается. Берешь бусину, обрабатываешь ее спиртом, чтоб инфекцию не занести. Потом гвоздиком, конечно, прокаленным и тоже обработанным спиртом, дырявишь кожу, туда помещаешь бусину и засыпаешь стрептоцидом. Потом, через недельку, повторяешь операцию на другом месте. Главное, поначалу не усердствовать, чтоб кожа не лопнула, но ты не беспокойся, мой бешеный конь себя в деле уже зарекомендовал! Девки просто на голову встают, такой кайф ловят!

Он любовно погладил кукурузный початок, торчавший из ширинки, и Ирина почувствовала, что у нее обморочно закружилась голова. Из горла вырвался стон ужаса.

Виталя толкнул девушку так, что она завалилась на ступеньку:

– Да не пищи! Тихо! А то Змей услышит!

– Уже, – послышался наверху писклявый голос, и Змей, вихляясь всем телом, сполз по ступенькам в подвал. – Уже услышал. А ты лежи, лежи, не вставай. – Это адресовалось Ирине, которая попыталась вскочить. – Разденься и лежи, жди меня. Вот так. – Змей схватился за платье на Ириной груди и дернул так, что с тела девушки свалились два лоскута. – Теперь хорошо. Сейчас я с этим бешеным конем разберусь – и начнем.

Змей укоризненно покачал головой, оставив на ошеломленного Виталию свои тусклые, немигающие глаза.

– Ну, чего хлебoreзку раззявил? Я сразу понял, что вы задумали, еще когда эта доска мне баки фармазолить начала насчет жаркого. Уединиться решили? Нехорошо, братила. Ну, я понимаю, трахнул бы девку еще по дороге сюда, чтобы я ничего не знал, а то как это называется? Привез кусок для нас двоих, а сам норовишь отъесть украдкой? Нет, я такого не люблю. И не прощаю!

Разноцветное тело Змея метнулось вперед и обвилось вокруг Витали, который качнулся, но все же устоял.

Придерживая на себе остатки платья, Ирина мигом взлетела по ступенькам и выскочила на деревянный покосившийся пол кухни. Метнулась было к двери, но тут же, спохватившись, вернулась, вцепилась в тяжеленную крышку и с натугой поволокла ее к люку. Одной рукой сделать это было совершенно невозможно, а другой она придерживала платье. Отбросила его, и дело сразу пошло лучше. Крышка как по маслу легла в пазы, но слитный вопль, раздавшийся снизу, дал понять, что Змей и Виталя наконец-то опомнились.

Ирина вспомнила могучий загравок Витали, его широченные плечи, клешнятые ручищи – и поняла, что никакая преграда между ней и ее преследователями не будет чрезмерной. Как в лихорадке, принялась двигать стол, табуретки, тазы, громоздить на крышку люка.

Она сразу взмокла от усталости и страха, приостановилась дух перевести – и вдруг ее поразила странная тишина, царившая внизу. Почему-то никто не орал, не бился головой в

крышку, не пытался ее своротить и выбраться из подвала. «Может, они уже замерзли там? – подумала девушка с робкой надеждой. – Хотя Виталя без ущерба для здоровья вполне перенесет полярную зиму, с его-то волосатой шкурой, а Змей, как знать, он же холоднокровный...»

Да, в этой тишине было что-то пугающее. Ирина на цыпочках прокралась в холл и припала к окошку, выходящему во двор.

Чудилось, она заранее знала, что увидит... В поросшем травой бугорке откинулась дверца и оттуда высунулись могучие плечи Витали. Он подтянулся и выскочил, как пробка из бутылки. Следом, извиваясь всем телом, выползал Змей.

Ну конечно! У погреба оказался еще один выход!

Ирина обежала холл безумным взглядом. В камине полыхают дрова – не больно-то спрячешься! Под стол... за диван... Глупости. Нет ни одного укромного уголка, разве что под лестницей.

О! Лестница на второй этаж! Однако на втором-то этаже ее и будут искать первым делом – и поймают, конечно. И тогда... и тогда...

Не раздумывая, Ирина метнулась обратно в кухню, смела всю нагроможденную на крышке баррикаду, с силой, рожденной отчаянием, откинула люк – и вновь задвинула крышку над своей головой в то самое мгновение, как на крыльце затопал Виталя, оглашая окрестности возмущенным ревом:

– Ирка, сука! Попадись мне!

Ирина слетела с последней ступеньки и растянулась на стылом полу подвала. О господи, хоть бы Виталя оказался и на самом деле таким тупым, как с виду! О господи, хоть бы Змей был лишен кошмарной интуиции, присущей всем представителям его рода и вида! Хоть бы они не догадались, куда подевалась беглянка!

Она вскочила и обхватила руками голые плечи. Как здесь холодно! Бредовая мысль затаиться и дожидаться ночи, пока Виталя со Змеем уснут, а потом украдкой выбраться на свободу превратилась в ледышку прежде, чем Ирина успела понять ее нелепость. Нет, надо немедленно найти выход во двор!

Стиснула руками голову, силясь сориентироваться и понять, в какой стороне этого неотъемлемого погреба может находиться дверь. Даже думать не хотелось о том, что Виталя и Змей могли запереть ее снаружи... Где же она, где? Все углы темны...

Ирина напрягла зрение, всматриваясь. Что-то забрезжило справа, она побежала, спотыкаясь. По глазам ударил яркий свет. Ирина инстинктивно рванулась к нему и внезапно оказалась посреди двора, поросшего высокой, давно не кошенной травой.

Какое-то мгновение она не могла понять, что к чему, и вдруг ударила догадка: да она же выбралась! Выбралась из подвала!

Ирина оглянулась – и увидела Виталию, который пялился из окошка второго этажа во двор, словно не верил своим глазам. Не дожидаясь, пока он сообразит, что к чему, Ирина перелетела двор, с силой рванула засов и выскочила из калитки. Увы, снаружи на воротах не было ни засова, ни щеколды. Ничего, у нее еще есть время, пока те двое спустятся во двор, да выбегут на дорогу, да сообразят, в какую сторону она побежала. Может, еще ноги себе переломают на крутой лестнице...

Но пока прямой шанс переломать ноги выпадал ей. Кинувшись вгорячах в глубь леса, Ирина поняла, что и двух шагов не пройдет на своих каблучицах по неровной земле, по бурелому. А пока разуется, столько времени потеряет. Да и не факт, что босиком сможет бежать быстрее, вон какими иглами усыпано все под соснами. Вдобавок лес просматривается насквозь, лучше уж по дороге, вдруг какие-нибудь добрые люди...

Мысли скакали в голове в такт неровным прыжкам по ухабистой дороге. Боже мой, боже, помоги! Ведь и вчера, и ночью, и сегодня утром ты был на моей стороне, будь же милостив ко мне еще немножко!

Нет... Лимит везения исчерпан. Яростно-довольный вопль раздался за спиной. Ирина оглянулась, споткнулась при виде двух знакомых фигур, но все-таки удержала равновесие и зарысила вперед в последней отчаянной надежде на чудо.

Господи, господи боже мой!

Что это? Шум мотора? Нет, просто ветер гуляет в вершинах сосен, гуляет, гуляет...

Мотор ревет!

С удвоенной энергией заработали ноги.

– Помогите! – пронзительно завопила Ирина, простирая вперед руки. – Спасите, люди добрые!

И замерла при виде автомобиля, выскочившего из-за поворота дороги, как хищный зверь.

Зверь, воистину – черный зверь с тупой мордой и непроницаемым взором зеркальных глазниц, с огромными шипастыми лапами, на которых он передвигается с жуткой, фантастической скоростью. Нет, на таких автомобилях добрые люди не ездят...

Да это же подмога! Только не ей, а Витале со Змеем! Такие же братки, отморозки, бандиты!

Захлопали дверцы, высокий парень с угрожающим выражением лица выпрыгнул на дорогу, за ним другой, со страху показавшийся Ирине схожим с первым, как брат-близнец, потом третий...

В последнем припадке ужаса Ирина метнулась на обочину, но тут же запуталась в собственных ногах и упала на колени, громко зарыдав от злости и бессилия.

Чьи-то руки схватили ее за плечи, рывком подняли.

– Ф-фу, стыдобища! Прикройся!

Зеленые глаза укоризненно блеснули у самого ее лица. Ирина машинально приняла что-то в руки, взглянула. Это был головной платочек – белый, ситцевый, в маленький горошек.

Понадобилось немалое напряжение мозга, чтобы Ирина поняла, зачем ей платок. Бог ты мой, она ведь голая по пояс! А следующее мыслительное усилие помогло сообразить, что протягивает ей платок та самая деваха в красном сарафане, которую Ирина совсем недавно видела за околицей Осьмаков в компании коровы.

Правда, на сей раз коровы рядом не было. Зато был черный зверь на колесах и три парня, которые с угрожающим видом двинулись... нет, совсем даже не к Ирине.

К Витале со Змеем!

* * *

– Как вам это вообще в голову пришло?! Ведь такой риск!

Катерина устало пожала плечами. Этот вопрос ей за вечер задали раз шесть, не меньше. Сначала наряд, присланный из отдела охраны, – ее спасители. Потом опергруппа из районного отделения милиции, вызванная разбираться с двумя схваченными грабителями. Теперь этот капитан в дежурке отделения, куда все наконец приехали. Заглянул в дверь еще какой-то высокий парень, посмотрел с любопытством на Катерину, словно тоже хотел спросить: «Как вам это пришло в голову?!» – но ничего не спросил, только смешно взъерошил светлые волосы и исчез.

Катерина устало вздохнула.

– А что было делать? Видите ли, номер нашего пульта охраны – 65-41-18. А у той женщины – 65-18-41. Легко ошибиться, правда? Я ошибалась несколько раз, и, наверное, не только я. И она привыкла, что к ней то и дело звонят люди и говорят: поставьте на охрану или снимите с охраны. Сначала она объясняла: вы не туда попали, злилась, а потом, видно, надоело. Не знаю, может, она вообще по жизни пофигистка, или чувство юмора у нее такое своеобразное, только она больше никому ничего не объясняет. Говорит: «Нет проблем!» – и все. Я как раз на прошлой неделе нечаянно ей позвонила, назвала свой номер, все такое, а потом сообразила: на

пульте говорят: «„Ока“ номер...» – ну, свой служебный код называют, и таких словечек – нет проблем! – от них не услышишь. Я сразу перезвонила куда надо. А сегодня подумала, когда этот «чулок» сам решил снять охрану: если звонок на пульт не поступит, они должны, должны будут прислать машину!

В эту минуту в соседнюю комнату вошел человек. Кабинет был пуст, однако свет горел, и окно стояло настежь, несмотря на глухую ночь. Человек осуждающе покачал головой, подошел к окну и взялся за створки, но в это мгновение до него долетел мужской голос из соседнего кабинета.

– А если б этой вашей «пофигистки» не оказалось дома? Или она сказала бы, что не туда попали? Или кто-то другой взял бы трубку? Что тогда? – с детским любопытством спросил капитан.

– Не знаю, – растерянно поглядела на него Катерина. – Тогда он меня застрелил бы, наверное.

– Ну, вообще-то задержанные не показывают, что шли на «мокруху», – проговорил приехавший с Катериной оперативник. – Будто бы тот, который их нанял, просто заплатил им за участие, сказав: все, что сможете унести, – ваше. И никаких разговоров о... Они, дескать, даже не знали, что у него пистолет при себе.

– Ну ты даешь, Асипов, ты даешь! – восхитился капитан. – Они тебе что, в расстрельной статье должны с порога сознаться? Сейчас наплетут, что впервые в жизни видели этого типа, а на самом деле...

– А знаете, очень может быть, – задумчиво перебила Катерина. – У меня тоже создалось такое впечатление, что они – случайная компания.

– Это почему ж вы так решили?

– Ну, например, те двое испугались, когда запищала сигнализация. А «чулок» знал, что она есть, или предполагал. Если бы они работали сообща, он должен был их предупредить о сигнализации, верно?

Человек в соседней комнате задумчиво кивнул. Он вроде бы даже забыл, что собирался закрыть окно, потому что в два шага вернулся к двери, погасил свет и опять подошел к подоконнику. Более того, он сел, устроился поудобнее и принялся внимательно слушать.

– Ну, это так, психология, – отмахнулся капитан. – Хотя и не исключено... Во всяком случае, задержанные уперлись, мол, этот парень нанял их около стекляшки, наобещал золотые горы и реки, полные вина, и таким образом образовалась преступная группировка. Теперь такой вопрос, Екатерина Дмитриевна. Что конкретно они могли искать в вашей квартире?

– Представления не имею, – пожала плечами Катерина. – Я уже говорила вот... товарищу. – Она кивнула на оперативника со странной фамилией Асипов. – У меня в самом деле нечего взять. Я живу очень просто, долларов дома не храню, да и рубли...

– Насчет рублей вообще интересно, – подхватил Асипов. – У гражданки Старостиной имелась сумма денег около двух тысяч деноминированных рублей, положенных в ящик тумбочки. Там же находились и документы: диплом об окончании вуза, паспорт, сертификат на приватизированную квартиру, еще некоторые бумаги, несколько фотографий на документы, какие-то письма. И в одном полиэтиленовом пакете со всем этим гражданка Старостина хранила деньги...

Капитан укоризненно покачал головой. Он явно не одобрял, что деньги, пусть и не самые большие, валялись у гражданки Старостиной, можно сказать, где попало.

Катерина огорчилась. Ей понравился этот капитан, так восхищавшийся ее сообразительностью, с ним было легко разговаривать, ему хотелось снова и снова объяснять, что и как происходило, а теперь он рассержен на гражданку Старостину, и очень сильно. «Ну и дура же она!» – подумала Катерина, и только потом вспомнила, что гражданка Старостина – это она сама и есть.

– Грабитель явно искал что-то среди документов, – продолжал Асипов. – Нашел, не нашел, это нам неизвестно, хотя гражданка Старостина показывает, что ничего не исчезло. Однако все документы он расшвырял как попало по комнате и деньги тоже небрежно бросил в угол. Один из задержанных, у которого они были изъяты при обыске, показал, что подобрал их на полу, что нанявший его с приятелем незнакомый человек их просто бросил, будто ненужные.

Человек, сидевший на подоконнике, задумчиво посмотрел на звезды, словно спрашивал их: что же искал «чулок» в квартире гражданки Старостиной? Звезды таинственно мигали.

– Загадочно, – пробормотал в эту минуту капитан. – И что, гражданка Старостина... то есть, извините, Екатерина Дмитриевна, и что, в самом деле ничего не пропало?

Катерина пожалала плечами:

– Говорю же, особо пропадать было нечему. Рубли ему не понадобились, драгоценности все на мне, вот, колечко, цепочка и сережки, но их не тронули. Может, просто не успели. Все остальные украшения – бижутерия, совсем дешевая. И документы все на месте. Насчет точного количества старых фотографий не скажу, но вряд ли этот «чулок» пришел, чтобы взять на память мои фотографии, верно?

«А почему бы и нет?» – подумал человек на подоконнике.

– Да, вы, наверное, правы, – согласился капитан, меряя взглядом Катерину.

Капитан совершенно не собирался обижать гражданку Старостину, просто сейчас, среди ночи, ему было не до тонкостей и деликатностей. Ну кому, скажите на милость, придет в голову врываться в квартиру, чтобы взять на память фотографию скучной, можно даже сказать, унылой женщины, которой на вид двадцать пять, а возможно, и на десять лет больше, худой, бледной, а точнее, бесцветной, с гладкими русыми волосами, закрученными на затылке в куцый узелок? Гражданка Старостина Екатерина Дмитриевна не предпринимала ни малейших попыток как-то приукрасить себя, словно давно смирилась со своей заунывной внешностью.

«Голова у нее, конечно, работает, вон как обставила грабителей, но мордашка... А может, ее и не волновало никогда, как она выглядит, есть ведь такие женщины, как их, синие чулки, что ли», – подумал капитан, который все-таки чувствовал, что ляпнул что-то не то.

Впрочем, сейчас это не имело никакого значения: в отделение милиции люди приезжают среди ночи отнюдь не для того, чтобы обмениваться комплиментами.

Человек в соседней комнате зевнул.

– Хорошо, – подавив зевок, сказал капитан. – Вернемся к нашему фигуранту. Вы показываете: лицо закрыто чулком. Но этого мало. С такими показаниями мы далеко не уйдем. Все-таки были у него брови, нос, голова, у головы была какая-то форма, рост опять-таки был какой-то. Вы же видели всех троих около магазина, тогда на нем еще не было чулка. Хоть что-нибудь вы должны были зафиксировать в памяти! Прошу вас, сосредоточьтесь, Екатерина Дмитриевна.

Услышав этот вопрос, человек в соседней комнате даже чуть свесился с подоконника во двор, чтобы лучше слышать.

– Да я ведь его не видела, – тихо сказала Катерина. – На компанию у «стекляшки» не глядела. Один из них был смуглый, другой весь какой-то скомканный, а он мне вообще в память не врезался. Только кепку его помню. Наверное, он очень обыкновенный, без особых примет. Бывают такие люди, вы знаете.

Капитан посмотрел на нее и кивнул: бывают, что и говорить!

– Он вел себя очень сдержанно, – продолжала Катерина. – Говорил приглушенным голосом. И даже после того, как стрелял в дверь ванной, после того, как понял, что все пропало и надо бежать, он угрожал мне все так же ровно, спокойно, мертвенно. Наверное, он очень редко выходит из себя и прекрасно контролирует ситуацию.

Она умолкла. Капитан несколько секунд смотрел на нее, ожидая продолжения, потом пожал плечами и разочарованно сказал:

– Ну, это опять же психология! Значит, доведись вам встретиться с этим парнем лицом к лицу, вы пройдете мимо и не узнаете его?

– Если лицом к лицу... – задумалась Катерина. – И если он опять будет говорить таким мертвым голосом...

Человек в соседней комнате закатил глаза, словно хотел сказать: «Ну, это уж чересчур. Слишком много если!»

– Хорошо. Сделаем фоторобот согласно показаниям задержанных, а вы посмотрите, может, что-то и добавите. Но это уже завтра, – сказал капитан. – Приходите часикам к двенадцати, займемся этим делом. А сейчас пора домой, спать.

Асипов громко зевнул, но тут же спохватился и прикрылся ладошкой.

– Спать? – испуганно спросила Катерина. – Я что, поеду домой? А если он вернется?

Человек в соседней комнате, сделавший движение спрыгнуть с подоконника, насторожился.

– Кто и зачем? – спросил капитан, и в его голосе впервые за все время прозвучали нотки раздражения.

– Ну, этот, «чулок», – робко подсказала Катерина. – Он, кажется, так и не нашел в моей квартире того, что искал, но не просто же в гости он ко мне приходил, верно?

Асипов хихикнул.

Человек в соседней комнате усмехнулся уголком рта.

– Ну? – сердито сказал капитан.

– Ну и вдруг он ночью вернется?

– А вы ему что, откроете? – полюбопытствовал капитан с плохо скрываемым ехидством.

Хихикнули в ответ сразу трое: Асипов – искренне, человек за стенкой – презрительно, Катерина – нервно:

– А если он через балкон заберется?

– А вы балкон на ночь закройте, – посоветовал капитан. – Ну а сейчас, чтобы вы не волновались, вас отвезут на нашем транспорте, вон сержант вас проводит, осмотрит квартирку на всякий случай.

Асипов посмотрел по сторонам, словно искал, нет ли здесь какого другого сержанта, кроме него. И, не найдя никого, понурил голову.

– А вы что, думаете, он сейчас уже там, ждет меня? – испуганно спросила Катерина. – Господи! Ведь он оборвал сигнализацию, квартира не сдана на охрану!

– А вот это – плохо, гражданка Старостина, – сухо сообщил капитан. – Между прочим, на его месте я бы этим воспользовался.

Человек соскочил с подоконника и метнулся к двери. Он двигался очень быстро, но каждое его движение было бесшумным, как у рыси. Он успел выскочить за дверь и даже немного пробежал по коридору, когда из соседнего кабинета вышли Катерина, капитан и Асипов. Человек мгновенно сменил свои размашистые прыжки на неспешную, чутьчку усталую походку, однако не выдержал и оглянулся. Смерил всех троих взглядом и повернул за угол, к лестнице, ведущей на первый этаж.

– Я его уже видела, – задумчиво сказала Катерина.

– Кого? – спросил Асипов, который спал на ходу.

Холл первого этажа был пуст, но сумеречная тишина длилась только мгновение. Распахнулась настежь дверь, и омовенец, ухмыляясь во весь рот, вогнал в отделение трех размалеванных девчат, одетых чисто условно, как дань приличию. На одной вообще было намотано только банное полотенце. Другая девушка горько, с подвывом плакала, держась за подбитый глаз. Вслед за девицами втащили, заломив ему руки за спину, огромного красивого парня, потом пинками препроводили еще нескольких...

– Субботник, что ли, привезли? – пробормотал Асипов, по стеночке пробираясь к выходу и делая Катерине знак следовать за собой.

Капитана закрутила многоголосая человеческая волна. Катерина даже не успела проститься с ним, как дверь закрылась.

Они с Асиповым сели в «Волгу» и через несколько минут были около Катеринино дома.

– Подожди меня, – сказал сержант шоферу. – Я сейчас, осмотрю квартиру – и назад поедем.

– Дай закурить.

Асипов начал шарить по карманам. Всполошенно закричала какая-то птица, и он уронил спички.

Катерина поежилась от вечерней сырости, оглядываясь на темную массу деревьев, сгрудившихся в конце двора. Птица еще раз сердито крикнула и улетела, шумя крыльями.

Асипов первым вошел в квартиру, прошарил все углы, даже под диван заглянул и удовлетворенно зевнул:

– Ну, я пошел. Спокойной ночи. – Взглянул на несчастное лицо хозяйки и замешкался: – Хотя... знаете что? Вы ведь все равно боитесь, да?

– Боюсь, – угрюмо призналась Катерина.

– Давайте сделаем так. Вы свет в комнате погасите, а на кухне пока не выключайте. Не полная темнота, не так страшно будет. А часика, к примеру, через два я нарочно заеду к вам проверить, как дела. Придумаем сигнал, просто на всякий случай. Ну... если вам станет совсем худо, вы включайте свет в комнате. Если же заснете и не захотите, чтобы я вас побеспокоил, погасите везде свет. Договорились?

Катерина задумчиво поскребла ногтем косяк, на который опиралась. Она подумала, что человек, мечтавший ее убить, может каким-то образом все-таки проникнуть в квартиру еще до истечения этих двух часов, сделать то, что хотел, и уйти, аккуратно выключив за собой свет.

Но она ничего не сказала Асипову. Кто его знает, может, он правильный мент, кажется, так это называется, и решит, что его долг – остаться караулить гражданку Старостину. Тогда еще и его убьют. Да и вообще...

– Ну, договорились? – пробормотал Асипов, зевая на разрыв рта и думая сейчас только о том, что успеет вздремнуть в машине, а потом найдет в отделении свободную каморку и хоть на час, хоть на полчаса прикемарит украдкой! – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – прошептала Катерина, запирая за ним дверь.

Потом она погасила люстру и в полутьме, при слабых отсветах из кухни, начала стелить постель.

* * *

Что-то пыхтело, кряхтело и звучно чавкало за спиной, а также стучалось глухо. Топталось множество ног. Иногда земля вдруг начинала гудеть, словно от падения чего-то тяжелого.

Ирина все еще стояла на коленях, прижав к груди платочек, не в силах не только подняться, но и обернуться, посмотреть, что же происходит за ее спиной. Что-то страшное, судя по разгоревшемуся лицу девахи в красном платье, которая топталась рядом, стиснув на груди руки и азартно блестя глазами.

Наконец взгляд ее снова упал на Ирину.

– Обезножела, что ли? – спросила с брезгливой жалостью. – Давай помогу!

И, ловко ухватив под мышки, вздернула Ирину на ноги.

– Эх а-яй, ну и каблуки! – хмыкнула чуть ли не испуганно. – Как ты на этих ходулях хоть шаг сделала? А ну, повернись, платок завяжу.

Ирина только и могла, что тупо смотреть на энергичное румяное лицо, яркие зеленые глаза. Тогда деваха развернула ее, как тряпичную куклу, к себе спиной и ловко завязала концы платка между лопатками. Платок оказался довольно большим и спереди прикрыл не только грудь, живот, но и немножко бедра.

– У тебя булавочки нет? – озабоченно спросила деваха, шныряя глазами от Ирины к какой-то бесформенной темной куче, мотавшейся по дороге. – Еще бы на заднице застегнуть – и хоть на бал.

Ирина захихикала. Все плыло у нее перед глазами, ноги подгибались, однако вдруг сделалось дико смешно: ну куда она прищипила бы эту булавочку, прямо к телу, что ли?!

– Хотя да, – хохотнула и деваха. – Что я говорю! У меня же у самой есть.

Она провела рукой по карману и отколола с изнанки преизрядную булавочку.

– Бабка дала, – пояснила деваха, отшагнув за спину Ирины и стягивая нижние концы платка чуть ниже попы. – От сглазу. Ну, вот и все. Ты только садись покуда осторожнее, не дай бог, расстегнется да вопьется – так заорешь...

И внезапно заорала сама:

– Петька! Сзади!

У Ирины от этого вопля, перекрывшего все допустимые децибелы, даже в глазах прояснилось. И она увидела, что темная кряхтящая масса, которая мечется по дороге, – это пять дерущихся человек.

Двое были ей знакомы – слишком хорошо знакомы... Виталя и Змей. Трое других... вроде бы она их тоже где-то видела. Ну конечно, это они так своевременно прикатили на черном автомобиле. Спасители! Сейчас они измолотят этих ненавистных отморожков, в порошок их сотрут! Все-таки их трое, а тех гадов только двое! Так их, так!

Ирина всхлипнула от избытка чувств.

– Да ладно-ка, – покосилась деваха. – Чай отобьются, ребята крепкие.

Ирина взглянула на нее дикими глазами, не понимая такого сочувствия к избиваемым злодеям, однако, всмотревшись в картину боя повнимательнее, поняла, что грани между избиваемыми и избивающими были порядочно стерты.

Численное преимущество мало что давало защитникам Ирины. Виталя стоял неколебимой скалой. Вдобавок у этой скалы имелись мощные ручищи, которые мелькали, будто крылья ветряной мельницы при урагане. Их стремительные движения почти невозможно было уловить, однако то один, то другой нападающий отлетали на дорогу, мгновение валялись плашмя, оглушенные, потом, словно спохватившись, вскакивали и бросались вперед, чтобы снова нарваться либо на удар Витали, либо на неуловимый бросок Змея. Он, чудилось, прошивал эту кучу малу своим цветастым телом, будто иголка с ниткой, предпочитая нападать сзади и бить по самым чувствительным местам, потому что оттуда, где появлялся Змей, то и дело слышались болезненные вскрикивания.

– Петька! Дай ему бодка! – вдруг заорала деваха.

Из переплетения тел вырвалось одно, в серой рубахе, и, словно только и ждало подсказки, с силой ударило Змея в живот раскосмаченной русой головой. Громко ахнув, Змей отлетел на несколько метров и, распростершись у самых колес автомобиля, остался недвижим.

– Маришка, в машину! – крикнул русоголовый, на миг блеснув такими же зелеными, как у девахи, глазами, и снова ринулся в гущу боя.

– Командует еще! – обиженно буркнула деваха, однако послушно двинулась к автомобилю, волоча за собой спотыкающуюся Ирину.

– Это ты, значит, Маришка? – догадалась та, когда обе девушки забрались внутрь и прилипли к стеклам.

– Ну, – кивнула деваха, не оборачиваясь. – А ты кто?

– Ка... Как мое имя, ты имеешь в виду?

– Ну, хоть имя скажи.

– Ирина. Ира.

– Иришка, значит. Маришка с Иришкой сидели в затишке, – проворчала деваха, втискиваясь носом в стекло и нетерпеливо теребя подол сарафана. – А мужички давали друг дружке тычки.

– Спасибо тебе, – пробормотала Ирина, только теперь осознав, кому обязана своим спасением. – Это ведь ты парней привела?

– Ну да, увидела, как тот слон тебя гнет, – и подняла на деревне крик. Ребята сразу схватились – и ходу.

– А говорят, там только старики да старухи...

– Старик, – уточнила Маришка. – Один старик на всю деревню, остальные жители – пять бабок. А на этих парней просто повезло, они буквально за час до тебя приехали по всяким делам. Я их и не знаю толком никого, кроме Петьки. Вроде бы вон тот, в синей майке, каратист, – Сергей, это его машина, а который в черном – Павел. Ну а в серой рубашке – Петруха.

Ирина добросовестно пыталась различить цвета, но черное, синее и серое пятна перемещались слишком быстро.

– У Петрухи глаза точь-в-точь как у тебя. Он твой брат? – спросила она, рассудив, что постороннего человека не станут называть уменьшительным именем. Маришка бросила на нее странный взгляд, потом снова отвернулась к окну:

– Друг брата.

– А-а...

Действительно, это многое объясняло!

Судя по напряженным Маришкиным плечам, ей совершенно не хотелось продолжать светскую беседу. Теперь соотношение сил было трое на одного, однако рыжеволосая скала по имени Виталья все еще казалась непоколебимой, несмотря на то, что каратист Сергей и крутился вокруг своей оси, и размахивал пяткой, и кричал пронзительным голосом. Скале все было нипочем, разве что нос у Виталии сделался расквашен и глаза заплыли. Однако и противники выглядели не лучше, а конца сражению не предвиделось... Вдобавок на земле началось какое-то шевеление, и Ирина с ужасом увидела, что оживает поверженный Змей.

Он поднялся сначала на четвереньки и какое-то время стоял так, ошеломленно мотая головой. Потом выпрямился и шатучей походкой двинулся в бой, однако Ирина успела увидеть, как рука Змея скользнула в карман и выхватила оттуда что-то длинное, блестящее. Нож!

– Нож! – выдохнула Ирина.

– Нож! – завопила Маришка, ныряя рукой под сиденье, выдергивая оттуда монтировку, а затем вылетая из машины. – Петька! У него нож!

Со сверкающими глазами, румяная от ярости, в красной, словно бы обгащенной кровью одежде, она была сейчас похожа на какую-нибудь былинную девку-богатырку, а то и вовсе на Магуру-перуницу, славянскую валькирию. Маришка сделала мощный взмах, готовая смести Змея с лица земли монтировкой, подобно тому, как хоккеист сметает шайбу со льда клюшкой, однако Петруха успел выхватить грозное оружие из слабых женских ручек и подсек Змея под коленки. Словно подломившись, он грянулся оземь и вновь сделался неподвижен. Нож подлетел к ногам Петра, и тот азартно пнул его, да так, что просверк прочертил подлесок обочь дороги и исчез.

Эта мизансцена на какое-то мгновение отвлекла внимание основных боевых сил и дала Витале возможность передохнуть. Однако передыхал он очень своеобразным образом: не вытирал, к примеру, пот со лба, а, подобно Змею, сунул руку в карман и достал из широких штанин... нет, не нож, а пистолет.

Черный ствол нахально уставился на отпрянувших парней:

– А ну, девку сюда! Сами убирайтесь, пока я добрый. Ирка! К ноге!

Маришка громко ахнула. Ирине почудилось, будто сердце сжалось маленьким ледяным комочком. Втиснулась в спинку сиденья, обхватив себя руками, зажмурилась, словно надеясь, что все страшное сейчас исчезнет...

– По-моему, силы равны, – долетел до нее задыхающийся голос.

Маришка ахнула снова.

Ирина решилась открыть один глаз, но как-то так получилось, что распахнулись оба – изумленно. Сергей тоже держал пистолет! Другой рукой он приподнимал голову Змея, к виску которого и был приткнут ствол:

– Уходи, а то... Считаю до трех, потом щелкну твоего размалеванного приятеля.

Голос его звучал негромко, но была в нем такая леденящая душу решимость, что по Ириной спине побежали мурашки, а на окровавленном Виталином лице появилось растерянное выражение.

Все застыли, меряя друг друга взглядами. Маришка нетерпеливо теребила руками сарафан. У нее был вид римской матроны, которая, склонившись к арене, где валяется поверженный гладиатор, настойчиво опускает большой палец, подавая тем самым знак: «Убей его!» – однако никто не обращал на нее внимания.

Вдруг разбитые в лепешку губы Витали дрогнули и раздвинулись в подобии улыбки:

– Да ну... Да вы чо, мужики? Из-за бабы – на мокруху? Ладно, по своим! Девку забирайте, черт с ней. Она не наша, мы ей ничего не сделали.

– Как не сделали? – вылетела вперед Маришка. – А платье? Когда я ее с тобой в машине видела, она была в платье!

– За гвоздик зацепилась, – буркнул Виталия.

– За гвоздик!.. – взвизгнула было Маришка, но Сергей схватил ее за руку и сдержал боевой порыв:

– Ладно, хватит на сегодня. Пусть забирает своего индейца.

Виталия, оскалась от злости, спрятал пистолет в карман и наклонился поднять Змея.

Сергей тоже убрал оружие и, не оглядываясь, пошел к автомобилю, одной рукой убирая со лба взмокшие волосы, а другой поддерживая Павла, который ощутимо прихрамывал.

Петр отступал последним, настороженно оборачиваясь на Виталию и Змея, словно ожидал от них еще каких-то подвохов, и подталкивал Маришку, с лица которой никак не сходило воинственное выражение.

Молча, тяжело дыша, набились в автомобиль. Сергей завел мотор, дал задний ход и ехал так до тех пор, пока распростертый Змей и склонившийся над ним Виталия не скрылись из глаз.

Начал разворачиваться. Дорога была узкая, автомобиль сначала сунулся за обочину задними колесами, потом передними. Всех швыряло друг на друга. Павел болезненно охнул.

– Что, попало? – встревоженно обернулась с переднего сиденья девка-богатырка. – Давайте остановимся, посмотрим, что с ногой. Вдруг перелом?

– Упал, очнулся – гипс... – пробормотал Петр, который сидел рядом с Ириной и деликатно старался держаться от нее подальше, однако это ему не очень удавалось, особенно когда при разворотах их швыряло друг на друга.

– Ох, лучше не надо останавливаться, – морщась и улыбаясь одновременно, попросил Павел. – Нету у меня никакого перелома. К тому же займка тут недалеко, этот рыжий примат вполне успеет добежать и вернуться, к примеру, с автоматом. А то и с пулеметом! От таких маразматиков всего можно ожидать. А у нас всего один ствол.

– Это точно, – кивнул Сергей, выравнивая наконец автомобиль. – Зажигалки-автомата, тем более – пулемета у меня нет.

Последовала минута молчания, во время которой Сергей вынул из кармана свой пистолет, спустил курок... из ствола бесшумно выплеснулось пламя и образовало ровный язычок.

– Ой... – пискнула Ирина и вдруг принялась хохотать, как сумасшедшая. Да и все уже хохотали, не в силах справиться с накатывающими приступами смеха, падая друг на друга от толчков и обессиленно постанывая.

При очередном повороте дороги Ирину просто-таки забросило Петру на колени, что вызвало новый обвал хохота. В это мгновение Маришка оглянулась, и ее зеленые глаза встретились с залитыми слезами смеха глазами Ирины. Маришка тотчас же отвернулась, и в кабине снова воцарилось безмятежное веселье.

Однако теперь смеялись все, кроме Ирины, впрочем, это было вполне объяснимо, поскольку именно в эту минуту расстегнулась внушительная Маришкина булавка.

* * *

Да, квартира была пуста.

Но почему?! Куда могла деваться хозяйка?

Звонок в дверь прозвучал так внезапно, что ночной гость едва не выронил пистолет. Ринулся к балконной двери – бежать, но тут же понял, кто звонит. Прошел в коридорчик, глянул в «глазок». И, убрав оружие, начал отпирать несложный замок, из тех, что называются гаражными и открыть которые снаружи может любой и каждый с помощью отвертки.

Стоявший за дверью шагнул в квартиру и прикрыл за собой дверь. Покосился на молчаливую коробочку сигнализации на стене. Вдохнул.

– Значит, смылась? Так я и предполагал. Хочешь что-то сделать хорошо – сделай это сам.

– Слушай, я не понимаю... Она не могла! – забормотал первый. – Я не сводил глаз с подъезда, никто не выходил, все ее окна на эту сторону, только во двор, я за ними наблюдал, никто не спускался с балкона, на соседский ей никак не перелезть, далеко, да я бы заметил!

– И все-таки она ушла, – спокойно сказал вновь пришедший, держа руки в карманах и покачиваясь с пятки на носок. – Знаешь, как это можно было сделать?

– Чердак! Неужели она вылезла через чердак в другой подъезд?

– Чердак заперт вот на такенный замчище, я проверил. Уйти можно иначе. Спуститься на первый этаж и позвонить в любую квартиру, окна которой смотрят на противоположную сторону. Вылезла в окошко. И вот вам результат.

– Вряд ли! Я обошел дом. Он же стоит, ты заметил, как по-идиотски? С той стороны у них аптека, первый этаж – это фактически второй, окна очень высоко. Она бы не рискнула ноги ломать.

– Рискнешь, когда тебе грозит смерть.

– Да ну, брось. Она не сомневается, что это было обычное ограбление, вернее, не состоявшаяся попытка ограбления. Откуда она могла знать, что ты ей заранее подписал приговор?

– Откуда? – Человек помедлил, в упор глядя на своего проштрафившегося напарника. – Ну, может, она прочла это в моих глазах. Как читаешь ты.

Последнюю фразу его собеседник уже вряд ли услышал, потому что к моменту, когда она была произнесена, в его лбу образовалась круглая аккуратная дырочка.

Выстрелом его отбросило на диван, и он теперь лежал головой на подушках, свесив ноги, с выражением тупого изумления на одутловатом лице с синеватой щетиной на щеках.

Стрелявший сунул в карман пистолет. На это ему потребовалось куда больше времени, чем выхватить его.

Затем он огляделся и прямоиком шагнул к креслу, на которое были аккуратно стопкой сложены большой мягкий плед и несколько разнокалиберных подушек, украшавших диван днем, когда постель была убрана. Убийца хватал каждую, крепко стискивал и подносил к уху, словно ожидал услышать какой-то звук. Так иногда выбирают арбузы на рынке: сжимая их изо

всех сил и прислушиваясь, не захрустит ли. Захрустит – значит, спелый. Но ни одна подушка не была арбузом, может быть, поэтому они и не захрустели.

Лицо убийцы, бывшее доселе подчеркнуто спокойным, помрачнело. Он огляделся в поисках других подушек, одну даже выдернул из-под головы мертвеца, но та оказалась мягчайшей, как пух, которым была набита.

Машинально он приподнял убитого и снова уложил его простреленную голову на подушку. И уже по второму разу начал исследовать все остальные в нарядных вышитых наволочках, затейливо связанных крючком.

Наконец его внимание привлекла одна, самая маленькая. На суровом полотне были вышиты васильки и маки, среди которых затесалась ромашка с полуоборванными лепестками. Похоже было, что кто-то гадал на цветке: «Любит – не любит, плюнет – поцелует, к сердцу прижмет – к черту пошлет, своей назовет...» Но у гадающей не хватило терпения, а может, храбрости, она дошла до «поцелует» – и решила на этом успокоиться. А чтобы гадание непременно сбылось, вышила заветную ромашку на наволочке.

Да, это было давно: мулине изрядно выгорело, как выгорают цветы в засуху. Да и суровая ткань поблекла. А вот серые нитки, которыми была зашита подушка, казались на этом фоне очень яркими. Тем более что стежки были крупные, небрежные, в то время как остальные чехлы зашивали мелко, аккуратно, почти незаметно.

Убийца хмуро посмотрел на нитки, а потом подцепил стежок ногтем и рванул с такой силой, что шов лопнул. И стало понятно, почему подушка плоская, будто безжизненная: в ней лежало старенькое, застиранное до дыр полотенце, свернутое несколько раз.

Убийца стоял, держа чехол и полотенце. Он был неподвижен, только руки сильно тряслись. Наконец он отшвырнул тряпье, снова вырвал из кармана пистолет и несколько раз выстрелил в человека с простреленным лбом. Тело подскочило на мягком диване, однако кровь не потекла из ран, ведь человек уже несколько минут был мертв.

Да, это глупо, стрелять в убитого. Но тогда оставалось бы стрелять только в себя, ведь он сам во всем виноват, если быть честным.

Сам виноват. Сам упустил удачу – громадную, фантастическую удачу, которая совершенно случайно пошла вдруг в руки!

Ну где она? Где ее теперь искать? Неизвестно, зачем ей то, что она вытащила из подушки, ведь она ни о чем не подозревает! Или... подозревает? Она оказалась хитра, очень хитра, убийца сам мог в этом убедиться. Она не только угадала его замыслы, но и сбежала, хотя это было, казалось, невозможно. Почему бы ей не додуматься и до...

Черт, черт, черт, теперь остается надеяться только на счастливый случай! Но шансов почти нет. Это все равно как крикнуть сейчас в пространство – и ждать, что она вдруг отзовется: «Я здесь! Сижу и жду, чтоб ты пришел меня прикончить!» Шансов нет никаких.

Он пошел к двери и бесшумно отпер ее. В подъезде полная тишина. Глухая ночь, все спят без задних ног. Ему захотелось выстрелить еще в кого-нибудь, желательно в живого человека, но, кроме него самого, под рукой никого не оказалось, поэтому он подавил это желание и спустился на первый этаж. Открыл дверь на улицу – и едва успел отпрянуть, когда опасное синее мигание озарило темный двор.

Милиция! Почему? Что случилось? Кто-то услышал выстрелы? Или за ее квартирой еще с вечера следили? Но почему, ведь это выглядело как простое ограбление, вернее, его попытка?! А может, они не сюда?..

Автомобиль затормозил рядом. Убийца вжался в стену. Уже не успеть рвануться наверх. Может, проскочат мимо в запале, не заметив его?

Отшатнулся от двери, прижимаясь к стене, – и едва удержался, когда одна нога вдруг скользнула куда-то вниз. Черт! Какая-то лестница?

Скатился по ней, наткнулся на незримую преграду и замер в кромешной тьме в то самое мгновение, когда в подъезд ворвались люди. Затопали наверх, прыгая через две ступеньки, но не все ушли – убийца видел в двери силуэт.

Рука привычно скользнула в карман, но тут же он сдержал себя: этот мент там, конечно, не один. Еще, как минимум, водила, а у него в обойме осталось только два патрона, все растратил, как дурак, на этого отморозка, которому доверился и который так его подставил. Стрелять он будет только в крайнем случае. Может, еще удастся отсидеться, в смысле отстояться у этой двери, ведущей непонятно куда...

Да что ж тут непонятного? В подвал она ведет, в подвал, где жильцы хранят гнилую картошку и всякую старую рухлядь. И заперта, конечно, на такой же амбарный замок, как и чердачная дверь.

Пальцы ощупали засов. Нет. Он отодвинут. Замка нет. Дверь что, открыта, что ли?

Открыта...

У него пересохло в горле. Мысли, смешавшиеся от страха, вновь обрели ясность.

Вот куда она подевалась. Вот куда! Почуяла опасность неким звериным нюхом, который просыпается у людей в предсмертные минуты, выскользнула из квартиры, может, за мгновение до того, как они с напарником проникли туда, и спряталась в подвале, в одной из ячеек, провонявших прошлогодней проросшей картошкой и прелым луком.

С-сука! Но и он тоже хорош: не заметил спуска в подвал. Как это могло случиться? Да, вторая дверь в подъезде стояла настежь, она прикрывала этот закуток под лестницей. А сейчас, на ночь, ее закрыли – вот и...

И опять не на кого было пенять, кроме как на самого себя. Но он не умел долго на себя злиться, поэтому бросил это дело и пошел вперед.

Какой там номер ее квартиры? Пять? Девяносто процентов, что, подойдя к дощатой двери с цифрой «пять», он найдет ее там: за грудой каких-нибудь пыльных мешков, трясущуюся от страха.

Его уже не беспокоило, что наверху милиция, что они будут искать убийцу того человека, который валяется в квартире на втором этаже. Он точно знал, что все обойдется. Главное, что верный друг, счастливый случай, не покинул его, вывел к подвалу, где спряталась эта хитрая дура!

«Я здесь! Сижу и жду, чтоб ты пришел меня прикончить!»

Убийца снова вынул пистолет.

Осталось два патрона? Ну, это слишком много. Ей хватит и одного.

* * *

Из старых писем:

«Здравствуйте, моя любимая жена Асенька, родные дети Сережа и Машенька!

Не пугайтесь, получив письмо, написанное чужим почерком. В последнем бою меня ранило в правое плечо, оттого и не в силах я держать в руке карандаш. Но к нам в госпиталь ходят девушки со швейной фабрики, школьники ходят, и всегда найдется добрая душа, чтоб взять бумагу и написать вам под диктовку.

Спешу сообщить, что жив и здоров, насколько позволяет моя рана. Были минуты, когда думал, что вовсе каюк мне пришел, однако же оклемался, избежал гангрены. Поначалу боялся, что руку отнимут, но доктор сказал, вроде бы обойдется дело. Не иначе, твоими молитвами и горячими слезами, дорогая Асенька, начал я выздоравливать. Лучше бы уж ногу отнять, чем руку, ну какой я работник без правой руки? Однако случилось чудо, я пошел на поправку.

Да, чудеса бывают, и очень даже часто. Тот снаряд, который должен был разорвать меня на мелкие кусочки, только воткнул кусок железа мне в плечо. Ну разве это не чудо? А разве

не чудо, что на соседней со мной больничной койке оказался – кто бы ты думала? Ни за что не угадаешь. А вспомни нашего соседа со старого двора, ну, того самого, у которого дед себе домовину при жизни выстругал. Вспомнила? Имени его называть не стану, сама понимаешь. Но вот открываю однажды глаза и вижу на соседней койке его небритую рожу.

Много он чего понарасказывал про себя, я мало чему верил, но поскольку здешний особист разговаривал с ним по-человечески, значит, не так уж он и врал. Выходит, и правда искупил свою вину кровью и, если бы выжил, вернулся бы в строй уже как человек. Только, беда, сосед позавчера помер. Не знаю, как там обстановка, в мирной жизни, но ты, Асенька, если сможешь, сходи к Анне Ивановне и покажи это письмо. Небось через военкомат известят ее, а ну как нет? Сосед же наш не просто так на фронт попал, сама понимаешь. Он же, помирая, все просил, чтоб я непременно известил о его кончине Анну Ивановну. А ей велел, чтоб достала из-под порога какой-то черный гроб (дескать, сестренка его, Тонечка, знает, где он лежит), а открыть позвала бы деда из Вышних Осьмаков. Конечно, сосед при этих словах уже заговаривался предсмертно, потому что дедушка его давным-давно помер, конечно, с тех пор, как стигнул из дому неведомо куда, да и разве может под порогом находиться гроб?! Однако я перечить ему не стал и обещал, что все передам досконально. Ты, Асенька, не ленись, сходи к Анне Ивановне, буде она еще жива, а то, может, не перенесла того горя, какое сын ей принес. Но он клялся, умирая, что ни в чем не виновен и оговорили его злые люди. Всякое бывает, я тебе так скажу. Сходи же к соседке и не забудь про Вышние Осьмаки. Не знаю, что это такое, но, может, она знает?

Ну, чего еще написать? Здесь, в госпитале, хоть и слышна война, и видна во всем, а все ж иногда кажется, это только сон. Ох, сколько видел я горя... Но небось никто, нигде и никогда не видал такого, сколько сосед наш повидал. Вернусь с победой – и тебе перескажу. Хотя все это небось байки и сказки, только детям от скуки сказывать, как в старину говорили. Хотя дети сказки-то любят. Вот и та девушка, что пишет за меня это письмо, говорит, что тоже любит сказки, хотя она уже не маленькая и даже не школьница, а работает на пошивочной фабрике. Она была при кончине нашего прежнего знакомца, она ему и глаза прикрыла. Ее зовут Клава Кособродова, душа у нее добрая, а почерк разборчивый, не то что у меня, так что надеюсь крепко: каждое слово ты в моем письме разберешь и поймешь правильно. Но Клаву зовут и другие раненые письма писать, не все же мне ее умелыми руками пользоваться.

За этим целую тебя крепко, любимая моя жена Асенька, родные дети Сережа и Машенька. Желаю вам быть здоровыми и ждать меня терпеливо, а я вернусь домой непременно, как только разобьем фашистского зверя в его логове. Ваш муж и отец Василий Дворецкий».

* * *

– А по-моему, это ужасно – такое соседство! – с дрожью в голосе сказала Ирина. – Просто пороховая бочка!

– Да говорю ж тебе, от них раньше никакого беспокойства не было. – Маришка внесла из кухни и поставила посреди стола огромную сковородищу с жареной картошкой.

– Я сейчас лопну, – прошептала Ирина, но не стала отнекиваться и только улыбнулась признательно, когда сидевший рядом Петр начал накладывать картошку в ее тарелку.

Сто лет не ела такой вкуснотищи! Разумеется, не велика хитрость – картошку поджарить, но Ирина, как всякая одинокая женщина, не любила готовить, да и ленилась стараться для себя. Вообще она ела мало, но сегодня вечером... с перепугу, что ли? Говорят, стресс повышает аппетит.

Что характерно, вокруг сидели одни сплошные подтверждения этого утверждения: принесенная Маришкой сковородка полуметрового диаметра была уже вторая, первую, такую же,

они благополучно усидели под малосольные огурчики, копченое сало и селедочку. Может, конечно, дело было вовсе не в стрессе, а в необыкновенного вкуса наливочке, которую подала баба Ксения?

– Появились они тут годков десять назад. В деревне мужиков уже и тогда не было, эти новоселы привезли своих строителей. Мгновенно починили забор, подладили скит изнутри...

– Все-таки странно, – сказал Павел, осторожно перенося к себе на тарелку щедрую порцию картошки. – Я не силен в православии, но это же все равно что церковь, этот скит. Как же им разрешили устроить там бандитский притон?

– Да теперь вся страна бандитский притон, вы что, не знали? – сказал Петр, возмущенно блестя глазами.

Сергей громко фыркнул, и ломоть сала, который он только что подцепил на вилку, сорвался, угодив точнехонько в миску с огурцами.

– Ты б его ручками, сынок, – ласково сказала баба Ксения.

Сергей, виновато улыбаясь, последовал ее совету.

– А что, вы не согласны, что мы живем в государстве всеобщего криминала? – задиристо подался к нему Петр, но Маришка сурово зыркнула на него и прекратила наметившуюся политическую дискуссию:

– Небось купили скит, приватизировали. Конечно, деньги у них большие: когда приезжали в деревню за продуктами, не торговались никогда. Да и вели себя тихо, разве что постреливали иногда. Мы к ним даже привыкли.

– Но кто-нибудь все же видел их бумаги? – не унимался Павел, сильно работая челюстями. – Там точно все в порядке?

– Да кому их смотреть, сынок? – вмешалась бабка Ксения. – Власти у нас в Осьмаках уже давно никакой не осталось, живем сами по себе, беспризорные. В Арени, надо быть, показали кому следует, милиция сюда не нагрывала, небось все в порядке.

– Милиция! – фыркнул Петр, и Сергей согласно кивнул:

– Вот именно.

– А все-таки странно. – Павел задумчиво взял огурец, словно забыв, что рядом с его тарелкой уже лежит один, едва надкушенный. – Деревня староверская, а вы никак не протестуете против такого соседства.

– Да какие мы староверы? – удивилась бабка Ксения. – Это небось на Керженце еще сохранились деревни, где скопцы держат старую веру, а у нас тут испокон оседлые бегуны¹, странноприимные селились, но и они на месте не сидели подолгу. Да и жизнь какая была – разве до молитв? Теперь вроде бы послабление верующим вышло, однако же староверам испокон потачки не было, ни от какой власти. Вот мало-помалу все и изверились. Один дед Никишка остался, да и ему уже не до скита.

– А что, он тоже изверился? Или больной? – любопытствовал Сергей, загребушей рукой подцепляя сразу два ломтя сала и с невинной улыбкой покрывая ими огромную скибку хлеба.

– Не больной, а просто старый. Ему небось сто лет уже, да, баба Ксения? – вмешалась Маришка, вошедшая из кухни с очередной горой хлеба.

– Может, и больше. Ну и что, он не курит, не пьет, от веку праведничает, он и все двести проживет на своих травках. И нас всех травками снабжает, старух. Говорят, по деревням всякая баба зелейница, но с ним никто сравняться не может. Знатный травознай!

– Травознай?! – оживился Павел. – О, мне к нему!

– Вы что, аптекарь? – удивился Петр.

¹ Одно из течений русского раскола.

– Нет, я винодел. Знаете фирму «Заливаевы и К°»? Я там работаю технологом. Хотим возродить производство наливок и настоек по народным рецептам. Вот это, что мы пьем, – Павел щелкнул ногтем по рюмке, – это ведь настоящий шедевр! Скажете мне потом рецепт? Это ведь что-то на зверобое, я не ошибаюсь?

– Побойся бога! – ужаснулась баба Ксения. – Как это я молодым, справным парням зверобоевки поднесу?! Это только нелюбимых мужей ею поят, чтоб к бабам своим не приставали. Липовку вы пьете, липовничек. Моя любимая, дед Никишка научил ставить. Вот к нему и иди за рецептами травяных зелий. Он даром что сам не пьет – тебе много чего порасскажет. А уж сказок знает, баек!..

– Сказок? – Сергей чуть не подавился своим колоссальным бутербродом. – Баек?! О, тогда мне к нему. Я ведь фольклорист, пишу докторскую диссертацию по народному творчеству староверов. И как раз фольклора бегунов у меня практически ничего нет.

– Фольклорист? – ошеломленно переспросил Петр. – Ё-ка-лэ-мэ-нэ...

– Эй ты, потише! – грозно рявкнула Маришка. – Петьке больше не наливайте.

В Петровых глазах всплеснулось зеленое пламя, но он ничего не сказал молодой хозяйке, а подчеркнуто повернулся к Ирине:

– Еще картошечки? Со дна, поподжаристей? А?

– Ой, нет, – слабо пискнула она, выставляя ладонь. – Я и так уже со стула не встану.

– Ничего страшного, – галантно сказал Петр. – Донесем на руках куда прикажете. Хоть на край света.

– Да он здесь и есть, край света, ты что, не знал? – проворчала Маришка. – Самый краешек...

– Да, глуховатое местечко, – согласился Сергей, наливая в Маришкину рюмку знаменитой липовки, но не забывая и остальных. – Неужто вы, Мариночка, тут всегда живете? Работаете, наверное, в Арени? Но ведь это довольно далеко, на чем же вы добираетесь?

– Да нет, я из Нижнего, просто приехала бабулю навестить, на огороде помочь, – ласково улыбнулась ему Маришка. – Тут не больно-то в Арень наездишься, автобусы не ходят уж бог знает сколько времени. Летом еще можно, при желании, на велосипеде, а зимой все заметает по крышу. Который год уговариваю бабулю хоть на зиму в город перебраться, да разве ее сдвинешь с места? Здесь же остались уже только те, у кого нет никакой родни, остальных стариков давно по своим разобрали. Они зимой тут знаете, как живут? Дороги все заметены, Осьмаки полностью отрезаны от мира. Телефонов нету ни одного, если что, даже врача не вызовешь. Пенсию, конечно, не привозят, да и что на нее купишь, на пенсию, когда ближайший магазин в Арени? Когда завьюжит, поутру первым делом прокапывают от дверей дорожки к калиткам. Чтобы дать знать остальным: жива, мол, я, жива пока еще. Жуть истинная!

– Подумаешь, нашла жуть! – отмахнулась бабка Ксения. – Зато в своем доме, а не в приживалках. У меня ж тут клуб был: один на всю деревню телевизор оставался, который работает. Да вот беда – сторел. А то, бывало, вечерами девки соберутся... – Она вдруг мелко засмеялась: – Это я бабок наших так называю, мы друг дружку по старинке все девушками кличем. Соберемся, значит, поглядим новости, частушек попоем...

И она вдруг завела тоненьким девчоночьим голоском:

Не пойду я в магазин –
Нету и на маргарин!
Ох, пора, едрена мать,
Президента убивать!

Все дружно расхохотались. Баба Ксения тоже смеялась:

– Вот так напоемся и напьемся, а потом дед Никишка нас по избам провожает. Сперва он нас, потом мы его. Ночи после буранов светлые, лунные, все аж звенит вокруг. Красотища!

– Так я не понял: этот старик один живет? – уточнил Павел.

– Теперь один. Раньше – это еще до войны, я совсем девчонкой бегала, – помню, прибрел он сюда и к бобылке Серафиме подселился. Она тоже была староверка, вот они и сошлись. Потом Серафима померла, а дед Никифор Иваныч в ее избе так и прижился. Старый он, слабый совсем. Иной раз как обомрет – вроде совсем преставился. А потом глядишь – отойдет, и опять не хуже молодого.

– И что, он к вам тоже ходил телевизор смотреть? – хмыкнул Сергей. – Это ж у них, у староверов, вроде грех...

– Ничего! Очень даже смотрел. Жаль вот только, сгорела моя «Чайка».

– Ребята, а может, кто из вас в технике понимает? – с надеждой спросила Маришка. – Может, посмотрите, что там с ящиком?

– Ну, если вы просите, Мариночка... – обещающе улыбнулся Сергей. – Я загляну, к примеру, завтра, ладно? Вдруг да получится.

– А чего ж, заглядывайте, – кивнула Маришка приветливо. – В самом деле, вдруг что-нибудь да сладится? А нет, так просто посидим, поокаем...

– Договорились, Мариночка!

– Марья она, – буркнул Петр, вставая. – Не Марина, а просто Марья. Пошли, мужики. Засиделись мы тут.

– Да куда вы пойдете в такую позднотищу? – сладко потянулась Маришка, и сарафан туго натянулся на ее спелой груди. – Ложитесь вон вповалку на сеновале. Там хорошо, дух сладкий от сена идет, живой. Сны хорошие снятся...

– Ой, нет, идите, сыночки, – засмеялась баба Ксения. – Не то меня Вера с Ольгуней поедом съедят. В кои-то веки на постой к ним кто-то стал, да и те сначала ужинать на сторону пошли, теперь еще и ночевать не придут. Им, бабулькам, тоже небось скучно, хочется живого голоса. А ты, Петенька, у меня останешься по старой памяти.

– Баб, ты что, забыла: у нас же Ира ночует, – недобрым голосом сказала Маришка. – Места больше нет. А Петра дед Никиша к себе звал.

– Да он уже небось десятый сон видит, твой дед Никиша, – отмахнулась хозяйка. – А Петенька на сеновал пойдет, правда, голубочек? Ну, гости дорогие...

Все начали дружно подниматься из-за стола.

– Завтра увидимся? – тихо спросил Павел, наклоняясь к Ирине.

– Конечно, – смущенно кивнула она. – Здесь мудрено не увидеться. Тем более мне тоже нужно к этому деду Никише. Если кто и поможет мне найти старые книги, так это только он. Вы представляете? Этот дурацкий Виталья сказал, что в подвале скита была целая гора старых книг и они все пожгли. Вот варварство, да?

– Вандализм! – Павел даже побледнел от возмущения.

– Что вы говорите? – Сергей, услышав их разговор, наконец-то оторвался от прощания с Маришкой. – Сожгли старые книги?! Невозможно, невозможно поверить... Но, может быть, хоть что-то осталось? Хоть что-нибудь! Как бы попасть в этот скит, поискать?

– Ради бога! – обеими руками схватилась за него Маришка. – Не вздумайте! Еще неизвестно, чего нам сегодня ночью от этого Витали ожидать, а вы опять голову волку в зубы сунуть хотите.

– Да уж, с вашим личным оружием супротив Витали делать нечего, – ехидно подал реплику Петр. – Я все хотел спросить: вы же вроде не курите, зачем с собой такую зажигалочку интересную таскаете?

– Таких дураков пугать, как ты и Виталья, – огрызнулась Марина. – Пойдемте, Сережа, я вас до калитки провожу.

И, подхватив молодого человека под руку, вывела его на крыльцо.

– Может, мне помочь со стола убрать? – робко спросил Павел. – Я очень люблю мыть посуду. А потом мы с вами, Ира, может, немножко прогу...

– Посуда – дело бабье, – буркнул Петр, протягивая ему руку на прощание и очень ловко вытесняя из горницы. – И не до прогулок, поздно уже, спать пора.

– Ира! – крикнул Павел, высовываясь из-за его крутого плеча. – Ваши вещи, они пропали, конечно, у этих мерзавцев, так мы можем завтра съездить в Арень, купить вам чего-нибудь. Денег у меня достаточно, вы не беспокойтесь. И мне все равно надо ехать за продуктами для моей хозяйки, я вас заодно прихватчу. Хорошо?

Последние слова долетали уже из-за дверей.

– А чего ему Маришкино платье не нравится? – удивилась баба Ксения, беря Ирину за руки и поворачивая так и этак. – Красивенькое, веселенькое, оборочки вон какие... разве что великовато малость, ну так подумаешь!

«Платице» Маришки было «великовато» Ирине как минимум на четыре размера. Только росту девушки оказались одинакового, а что касается объема... Баба Ксения дала Ирине хорошенькую плетеную подперезочку и помогла стянуть на груди булавкой обширное декольте, однако та все равно остерегалась наклоняться, зная, что просматривается сверху донизу. Впрочем, ее сегодня уже видели во всяких видах, так что...

Против окна громко, вызываясь расхохоталась Маришка, и Ирина разглядела ее статную фигуру. Рядом маячил высокий мужчина – Сергей. Он заботливо вел ее по колдобинам улицы, поддерживая под локоток, а Маришка жалась к нему, словно в стужу к печке.

– Ох, дорезвится молодка! – пробормотала баба Ксения, начиная собирать со стола ложки.

Да уж, Маришка ведет себя, извините за выражение... А Сергею, похоже, это очень нравится. Ну так и на здоровье!

Ирина с тоской поглядела на стол, заставленный грязной посудой.

Кошмар! Сейчас придется мыть все это. А горячей воды нет. В смысле ее сначала надо согреть, потом возиться в каком-нибудь тазу, руки жирные будут, противные. Про «Фэйри» здесь небось и не слышали, придется по старинке, с хозяйственным мылом... Маришка, видимо, отправилась провожать этого долговязого Сергея не только до калитки, а до самой избы бабы Веры. Потом, конечно, он проводит ее... А что ж, в такую ночь только и провожаться до рассвета. Луна таинственно заглядывает в окно, так и манит. Может, и Ирине следовало выйти проводить Павла – тем более что он именно этого и хотел.

Ирина вспомнила его глаза – светлые, широко расставленные, нос – будто ястребиный клюв, губы – твердые, четкие, которые не смягчались даже улыбкой. Красивый парень. Петр тоже очень симпатичный, с этим его не то диковатым, не то добрым взглядом. Он единственный ничего о себе не рассказал за столом. Кем он работает, интересно? Ну, торгует небось, сейчас все торгуют. Хотя вряд ли. Петр – вряд ли! Обветренные щеки, загорелое лицо – наверное, много времени проводит на свежем воздухе. Впрочем, Сергея с Павлом тоже «белыми воротничками» по виду не назовешь. Они между собой чем-то похожи, общим типом, что ли, хотя у Сергея более худощавое лицо и резкие черты. Недобрый излом бровей, пристальный прищур серых глаз. Странно – откуда это ощущение, будто она его видела раньше? Ну, наверное, и впрямь видела – в библиотеке: все-таки он фольклорист, не мог там не бывать. Правда, она раньше и представить не могла, что бывают такие фольклористы. Они все какие-то тухлые, замороженные, а этот вон как махал руками и ногами в драке...

– Поставь, поставь! – воскликнул кто-то над ухом, и задумавшаяся Ирина от неожиданности чуть не брякнула на пол сковороду с остатками картошки.

– Никак посуду мыть собралась? – возмущенно спросила баба Ксения. – Да ты и так еле на ногах держишься. Иди, иди спать! Вон, заверни в задец по нужному делу да и поднимайся в Маришкину светелку. А она в боковушке ляжет ради такого случая.

– Да не надо, это неудобно, я сама могу в боковушке, – смущенно пробормотала Ирина.
– Нечего, нечего! Гостю честь и место, – напористо подталкивала ее баба Ксения в сени, связанные дверью с крытым двором, в котором и размещался знаменитый задец, а попросту – маленький деревянный туалетик. – Там же рядом умывальник висит, зубы вон почисть, а потом – спать, спать.

У Ирины заплетались ноги и закрывались глаза. Она кое-как взобралась по кривой лестничке в мезонин и вошла в комнатенку с покосившимся потолком. С улицы несся залиvistый Маришкин смех. «Ох, дорезвится молодка!» – вспомнила Ирина. Хотела выглянуть, но окошко оказалось затянуто марлей от комаров. Луне, однако, марля была не преграда: на полу лежал бледный, дымчатый квадрат, да и вся комната, чудилось, плавает в голубоватом тумане.

Кровать была жутко старомодная – железная, с шишечками на спинке. И до чего узкая! Как только объемистая Маришка на ней помещалась?

Ирина размотала на себе платье, стянула трусики – она всегда спала голой – и забралась под покрывало. Сетка слегка подалась под ее телом, скрипнула. Со спинки кровати соскользнул пестрый Маришкин халат, но у Ирины уже не было сил поднять его.

Спать! Боже, какое счастье! Наконец-то кончился этот бесконечный день. Ни о чем не думать, только спать. Завтра надо будет...

Она так и не успела решить, что будет делать завтра: голова ухнула в мягкую бездну подушек, и сон, как лунный свет, озарил ее прекрасное даже в глубокой усталости лицо.

* * *

– Как это вам в голову пришло? – недоверчиво спросил капитан. – Ведь это страшный риск!

И опять у Катерины возникло то же странное ощущение, словно все это происходит не с ней, а если все-таки с ней, то это уж было в ее жизни – в точности так и случилось!

Конечно, случалось, и французское выражение *deja vu* – ложная память – тут было ни при чем. Она уже сидела в этом кабинете, на этом продавленном стуле, опираясь локтем на этот же самый стол, заваленный бумагами вперемешку с пустыми и полупустыми сигаретными пачками, а тот же самый капитан уже задавал ей тот же самый вопрос...

В пятом часу этого туманного, сырого утра у него пролегли тени под глазами, а щеки сделались синеватыми от проклюнувшейся щетины. Он смотрел на Катерину, то шурясь, будто она отлетела куда-то далеко-далеко, то широко открывая глаза, словно она вдруг надвинулась на него близко-близко. У самой Катерины тоже плыла муть в голове и глаза резало так, словно в них сыпанули песку, однако она старалась держаться перед этим бесконечно усталым человеком. У него выдалось тяжелое дежурство, в отделении народ кишмя кишит, будто белый день в разгаре, и все какие-то криминальные элементы, и с каждым надо разбираться, а тут она второй раз за ночь. То ее грабить собрались, то обнаружился труп в квартире...

– Ну, с другой стороны, если бы я не решилась и не пошла, они бы меня наверняка застрелили, правда?

– Почему вы думаете, что были какие-то они? – сердито подавляя зевок, спросил капитан. – Не исключено, тот человек сам у вас в квартире застрелился. Вообще, надо еще выяснить, не были ли вы с ним знакомы, может быть, что это ваш отвергнутый поклонник покончил с собой.

В углу раздался сдавленный смешок, замаскированный смущенным покашливанием. Катерина неприязненно покосилась на сидевшего там Асипова. Конечно, воображение у него на нуле, а тактичность – и вовсе ниже нуля. Ну почему хотя бы на миг не допустить, что ради нее может кто-то застрелиться?!

– Поклонники у меня, конечно, были, – соврала она с независимым видом. – Однако этого человека я вижу в первый раз, честное слово. А главное, сам он вряд ли мог застрелиться четырьмя выстрелами, не так ли?

Асипов снова закашлялся, но красные глаза капитана метнули в него такой взгляд, что он мгновенно исцелился.

– Да, что и говорить, вовремя вашу соседку прихватило, – пробормотал капитан. – И часто с ней такое бывает?

– Довольно часто, но так сильно, как этой ночью, ни разу не было. Она позвонила, конечно, в «Скорую», но они никак не ехали, а ей становилось все хуже и хуже. И тогда она постучала ко мне (звонок-то вместе с сигнализацией грабители сорвали) и попросила сделать укол. Ну, внутримышечно все умеют делать, это совсем не сложно, а вот внутривенно... – Катерина поежилась. – Я иногда знакомым своим делаю уколы, даже капельницы ставила, а все равно ужасно боялась, руки, знаете, как тряслись? Но, слава богу, все обошлось. И докторша из «Скорой» потом сказала, что все сделано очень хорошо и своевременно. Но я так с этим уколом перетряслась, что потом, когда началась вся эта суматоха вокруг трупа, даже не очень-то испугалась. До меня как-то только сейчас все это начинает доходить... И как же мне теперь там ночевать, в этой квартире?

Она испуганно огляделась и сгорбилась, обхватив плечи руками.

– А ночевать сегодня и не придется, уже утро, – успокоил ее Асипов. – Днем вам не так страшно будет, а к вечеру вы приберетесь, успокоитесь. Если хотите, я могу вам дать телефон одной женщины, она зарабатывает тем, что убирается в квартирах после всяких таких случаев. У вас еще ничего, только постель сменить да чуть-чуть замыть вокруг дивана, а знаете, бывают какие квартирки? Ого-го! То расчлененка, то вырежут всю семью, то братки начинают выяснять отношения и палят друг в дружку через всю комнату так, что мозги по стенам...

Катерина издала какой-то странный звук и поспешно зажала рот рукой.

– Заткнись, Асипов, – устало сказал капитан. – Вечно ты как вылезешь...

– Зря вы так, товарищ капитан, – обиделся Асипов. – Если бы я сегодня ночью не вылез вовремя, еще неизвестно, сколько б мы трупов нашли в квартире гражданки Старостиной! Мы спугнули убийцу, а ведь он мог бы вернуться и застрелить ее так же, как своего сообщника застрелил!

– Еще не факт, что это был его сообщник, – буркнул капитан, но видно было, что он упрямится все от той же усталости. – Ну хорошо, был, был там кто-то еще, но куда он мог подеваться, если у входа наша машина стояла?

– Тот самый, «чулок», – торопливо заявила Катерина. – Это был он, точно! Он же пообещал: «Я тебя достану!» – вот и пришел доставать. Про убитого и я в самом деле ничего не скажу, не знаю, но насчет того, что «чулок» вернулся, – нет никаких сомнений. И, кажется, я знаю, куда он мог пропасть. Через подвал ушел!

– Мы проверили подвал, – снова обиделся Асипов. – На всех ячейках замки наружные висят, не мог же он сам себя снаружи запереть. А которые без замков, те пустые были. Куда ему деваться? Нет, не было его в подвале!

– Был, – уныло сказала Катерина. – Был! Он меня искал. И первым делом, конечно, сунулся в сарай с цифрой 5 – номером моей квартиры.

– Мы тоже туда заглянули, – кивнул все еще надутый Асипов. – Никого там не было, и замка тоже не было. У вас сараюшка совсем пустая, хоть шаром покати, да еще и стенка проломлена.

– А она, кстати, не моя, – усмехнулась Катерина. – У нас там почему-то все цифры перепутаны, мой сарайчик, например, номер 17. Разве угадаешь, если не знаешь? А в пятом вообще никто своих вещей не держит, он лишний, ничей, и в стенке не просто пролом, а ход в подвал соседнего подъезда.

– Ход?! – вскрикнули капитан и Асипов.

– Именно так. Когда-то давным-давно подвал затопило, надо было протаскивать помпу, стенку сломали, ну и не заделали, конечно. Теперь вы понимаете, каким образом этот человек скрылся?

Асипов возбужденно кивнул.

– Это-то мы понимаем, – озвучил его движение капитан. – Одного мы так и не смогли понять, Екатерина Дмитриевна... Одного. А именно: за каким чертом он упорно лезет именно в вашу квартиру?

Катерина опустила голову так резко, что уставший за ночь узелок на затылке развалился.

– Не знаю, – сказала она глухо. – Не знаю, и от этого мне еще страшней.

Капитан и Асипов озадаченно переглянулись. Второй раз за ночь они общались с этой невзрачной особой, но ни разу никому и в голову не пришло, что ей может быть страшно. Гражданка Старостина вела себя совершенно не так, как полагалось бы перепуганной женщине. Она совершала поступки, на их взгляд, бессмысленно рискованные, она пыталась сопротивляться обстоятельствам там, где элементарная осторожность требует подчиняться. И все это, оказывается, делалось от страха?!

– Ну ладно, – сжалился над ней (а может, над собой) капитан. – Давайте на сегодня с этим покончим. Днем, как мы и договаривались, подойдете насчет фоторобота, а пока идите. Асипов вас отвезет, проверит квартиру.

– Не привыкать! – усмехнулся Асипов. – И мы опять какой-нибудь условный знак установим, правда же, Екатерина Дмитриевна? В прошлый-то раз сигнальчик сработал, это мы на ваши освещенные окошки отреагировали так оперативненько! Вот классно, что преступник сам нам просигналил, верно?

– Слушайте, – всплеснула вдруг руками Катерина, – вы говорите – днем подойти. Но я не могу, я только сейчас вспомнила, что совершенно не могу!

– Давайте не будем, гражданка Старостина! – категорично выставил ладонь капитан. – Вы потерпевшая по делу, можно сказать, уже по двум делам, ваши показания жизненно необходимы. Имейте в виду, я вправе взять с вас подписку о невыезде.

– Вы же только что сказали, что я потерпевшая, – невинно напомнила Катерина. – А подписка, насколько мне известно, – это мера пресечения для преступников или подозреваемых?

«Начитанные, гады! – скрипнул зубами капитан. – Начитаются детективов – и шпарят через слово терминами, а того в голову не возьмут, что детективщики все выдумывают и жизни ни хрена не знают. Такого понаворотят, что волосы дыбом у профессионала. А эти дурачки читают и верят каждому слову, будто бы это Священное Писание. Ишь ты – мера пресечения!»

– Знаете что, Екатерина Дмитриевна, – сказал он задушевно, – если вы мне сейчас сообщите, что сегодня собираетесь улететь в Монте-Карло...

Асипов закашлялся в очередной раз. Капитан окинул взглядом понурые плечи гражданки Старостиной, ее прямые некрасивые волосы – и понизил планку:

– Или в Анталию...

Посмотрел на ее измятое платье:

– Или в Коктебель... то я с вас точно возьму подписку о невыезде, и плевать мне на ваши юридические знания!

– Нет, – серьезно сказала Катерина, – ни в Монте-Карло, ни в Анталию, ни даже в Коктебель, хотя, по-моему, там гораздо лучше, я, к сожалению, не лечу.

Она смотрела на капитана очень чистыми и прозрачными глазами, голос звучал искренне, и вообще, не было никакого повода усомниться в ее словах, но что-то, какое-то смутное ощущение, все же заставило капитана уточнить:

– Не врете?

– Да я вообще стараюсь не врать больше одного раза в сутки, – усмехнулась Катерина. – А на сегодня мой лимит уже исчерпан.

Капитан и Асипов переглянулись и разом кивнули. Они сразу вспомнили, как гражданка Старостина обвела вокруг пальца грабителей, заставив их позвонить не в охрану, а к какой-то незнакомой женщине. В самом деле – соврала!

Однако Катерина вовсе не имела в виду этот эпизод. Ведь он произошел не сегодня, а уже вчера! Лимит же вранья на текущие сутки был исчерпан, когда она сказала, будто не имеет представления, что искал убийца в ее квартире. А ведь она знала... Теперь – знала!

Кто знает, может быть, не капитан, так Асипов и почуяли бы неладное. Или, несмотря на недосып, сообразили: если человек не едет в Монте-Карло, Анталю или Коктебель, это еще не значит, что он вообще никуда не едет. Но вдруг от стенки послышалось задушенное хрипение, а потом беленькая коробочка, висевшая рядом с листом календаря, сказала человеческим голосом:

– Оперативная группа, на выезд.

– Какого там еще?.. – Асипов закончил предложение шепотом и перегнулся через стол к селектору: – Алло, дежурный! Куда едем? Что случилось?

– На улице Горького, напротив «Спутника», убийство. Какой-то маньяк застрелил двух женщин и скрылся, разумеется. У соседа собачка начала выть и в дверь биться, он вышел, смотрит – напротив квартира открыта, а оттуда нога торчит. Там жили бабка с внучкой, внучка убийце, очевидно, отперла, он ее тут же, в прихожей, в упор... А бабку достал уже в комнате, прямо в лоб. Что характерно, в квартире ничего не тронут. Пришел, убил и дальше пошел. Фамилии убитых: Оксана Мальцева и Клавдия Ефимовна Кособродова.

Капитан громко ахнул, а потом послышался звук, словно упало что-то тяжелое.

Асипов испуганно обернулся. На мгновение у него мелькнула мысль, будто количество усталости капитана перешло наконец в качество, и он упал в обморок.

Однако капитан крепко стоял на ногах, перегнувшись через стол и растерянно глядя на гражданку Старостину, которая ничком лежала на полу.

«Ничего удивительного, – подумал Асипов. – Ей, бедняге, сегодня тоже досталось!»

В самом деле, ничего удивительного...

* * *

Из старых писем:

«Дорогая мамаша, здравствуйте. Дорогая мамаша, первым делом хочу сказать: если сейчас рядом с вами сидит кто-то из меньших, или тетка Серафима, или соседи, а то еще какие пришлые люди, вы письмо мое далее не читайте, а примите какой-нибудь вид, что вам немогутся. Как бы заболела голова или схватило сердце, но читать нету сил. Или еще чего-нибудь соворите. И только если рядом с вами сидит братишка Минька, ему дозвоьте прочитать, что скажу, потому что без его подмоги дело сие не сделать.

Мамаша и братишка Минька, знайте, что здесь, в госпитале, мне привелось услышать весть о том, как нам наконец выбиться в люди из нищеты нашей. Только все это надо сделать шито-крыто, чтоб ни одна живая душа не проведала, не то плохо нам будет, еще даже хуже, чем теперь.

Слушайте, что надо сделать поначалу. Пусть Минька, а то вы сами мамаша, сходит сей же момент на Черный пруд, там за кинотеатром стоят домишки, ни номера, ни квартиры не знаю, но язык до Киева доведет. Спросите, где живет Ася Николаевна Дворецкая с ребятишками, и наврите ей чего хотите, только наведите разговор на письмо, которое пришло ей от мужа из

госпиталя. Разузнайте, кровь из носу, тот адрес, по которому она должна была сходить из-за мужниной просьбы. Это должно быть ваше первое и главное дело.

Мамаша, не мне вас учить, как человеку в душу влезть. Вы сами без мыла куда угодно влезете. Если не выведем адреса, по которому ходила Дворецкая, все пропадет пропадом, и очень скоро. Поэтому до Дворецкой отправляйтесь прямо сейчас! Я хотела вообще выбросить письмо ее мужа, чтоб никто даже и намеком не понял, что случилось, однако тогда мы не нашли бы адреса, по которому теперь лежит наше богатство и счастье.

Теперь слушайте самое главное.

У тех людей еще с до революции... *Эта строка зачеркнута.*

Нет, опасаясь. Всяко может быть, еще попадет письмо мое в чужие руки, и лучше мне все вам сообщить с глазу на глаз лично. Поверьте на слово, сделайте, как прошу, и ни о чем нам в жизни больше печалиться не придется. Все забудем, словно и не было ни голода, ни холода, ни горя нашего, словно в сказке все станется! Помните, как я маленькая девочка была и все играла в барыню, про каких бабушка сказки сказывала? Все хотела такой барыней быть, чтоб в драгоценных камнях и золотых браслетках? Рвала цветочки – они были у меня будто разные камушки. Одуванчики были изумруды, а незабудки – эти, как их, сафиры, нет, сапфиры! И тысячелистник был как бы алмазы. Никогда я эти игры не забывала и вас, мамаша, прошу вспомнить их. А теперь немедля же пошлите братишку Миньку искать Дворецкую. А потом ждите от меня новых вестей. Глядишь, и выберусь к вам на денек, все сладим, а там... Ну, прощайте на этом. Сделайте же, как прошу. Дочь ваша Клавдия Кособродова».

* * *

Ирина очень удивилась, почувствовав, что проснулась и таращится в полутьму. Казалось, она будет спать всю оставшуюся жизнь! И спать ей хотелось, очень хотелось, но что-то ведь разбудило. И это была не луна – ночное светило уже ушло из окна, оставив только бледный туманец за стеклом, как раз достаточный для того, чтобы различить очертания скудной мебелишки – и темную фигуру, застывшую как раз против окна.

«Не может быть, – медленно подумала Ирина. – Этого не может быть. Это сон. Я еще сплю и вижу сон...»

Сон или не сон, а дыхание у нее перехватило так, что не вскрикнуть. Тело сковало страхом – не шевельнуться. Только и могла, что лежать и беспомощно смотреть, как человек совершает перед окном какие-то странные, торопливые телодвижения. И не вдруг до Ирины дошло, что незнакомец... поспешно раздевается!

Шуршала одежда; полетела куда-то в сторону рубашка, поползли на пол джинсы. Человек неловко поплясал на одной ноге, потом на другой, снимая носки; скомкал их, постоял в задумчивости, сунул куда-то в уголок. Потер ладонями грудь, сильно вздохнул.

Да, пожалуй, это был не призрак и не сновидение. До Ирины долетел запах его разгоряченного тела – и от ужаса ее затрясло так, что дрожь передалась кровати.

– Ты здесь, моя сладкая? – выдохнул человек едва слышно. – Ждешь?

И, мгновенным движением спустив с бедер плавки, он шагнул вперед и скользнул к Ирине в постель.

Она почувствовала тяжесть раскаленного мужского тела, сильные руки стиснули ей грудь – и от этого бесцеремонного, грубого прикосновения словно пробку вышибли из горла. Ирина взвизгнула, рванулась – и сразу почувствовала себя свободной. Человек отпрянул, отдернул руки, будто обжегся, навис над ней, всматриваясь в лицо.

Ирина, что-то бессвязно лепеча, тоже пыталась его рассмотреть, слишком испуганная, чтобы возмущаться... И вдруг ее ударило по глазам так, что искры посыпались. Ирина инстинктивно закрыла лицо ладонями.

– А-ах! – громко вскрикнул кто-то неподалеку грудным голосом.

Тут до Ирины дошло, что по глазам ее, пожалуй, не били, а просто внезапно включили свет. Она осторожно приоткрыла веки, но тут же с воплем вытаращила глаза.

Картина, открывшаяся ей, заслуживала того, чтобы смотреть на нее, не отрываясь. Рядом с Ириной на кровати мостился голый Петр, одной рукой прикрывавший лицо от яркого света, а другой тянувший край одеяла на свои нагие чресла. А в дверях стояла...

Боже ты мой! В дверях стояла Маришка и смотрела на кровать остановившимися глазами.

– Ма-ри-ша... – потрясенно пролепетал Петр, переводя взгляд с Ирины, которая тоже старалась прикрыть свою наготу, на ошеломленное лицо молодой хозяйки. – Ты... ты здесь? Ты... пришла? А я думал, ты уже...

– Думал, я уже сплю и никто тебе не мешает в моей постели с другой тискаться? – выдохнула Маришка. – Блудня! Блудня поганый!

Она закрыла лицо руками, сгорбилась, но тут же выпрямилась, пылая возмущением.

В это время между Ириной и Петром шла непрерывная, ожесточенная борьба за обладание одеялом, которое непонятным образом, может, со страху, вдруг уменьшилось в размерах, словно шагреневая кожа. Стоило Ирине натянуть его на себя, как обнажались мускулистые бедра Петра, а если одолевала грубая мужская сила, то все могли наблюдать, как дрожит от страха худое Иренино тело.

– Доска струганая, – с отвращением оценила Маришка ее стать и возмущенно обратилась в Петру: – Занозиться не боишься?

– Мариша! – простонал он, плюнув наконец на борьбу за одеяло. Вскочил, стыдливо прикрывшись горстью, метнулся к плавкам, натянул их на себя, сверкнув белой, незагорелой задницей, и, мгновенно почувствовав себя увереннее, ринулся к Маришке.

– Не подходи! – яростно выставила она ладонь. – Потаскун! Охальник! Пошел вон! Чтоб духу твоего здесь не было! Видеть тебя не хочу, чтоб у тебя отсохло все навеки! Чтоб у тебя невестаниха учинилась!

Петр споткнулся на полушаге, замер, и потрясенной Ирине почудилось, будто проклятие разъяренной хозяйки начинает сбываться. Петр весь словно бы уменьшился, а уж о том, что только что распирало его плавки, и говорить не приходилось. Теперь они натуго прилегали к телу и сзади, и спереди. Ужас мелькнул на красивом, загорелом лице; Петр сгорбился, собрал свою разбросанную одежду. Прижал к груди и шаткой походкой двинулся к двери.

– Ну уж нет! – глумливо подбоченилась Маришка, неколебимо стоя на пороге. – Как пришел, так и уходи, козлище бродячий. В окошко влез – в окошко и вылезешь. Нечего бабку пугать!

Но, видимо, бабу Ксению уже успели напугать: снизу неслись какие-то странные звуки.

– Ну! – недобро прищурилась Маришка. – Лети турманом! И чтоб утром духу твоего в Осьмаках не было, благодетеля долбаного!

Петр скрипнул зубами, но больше на Маришку даже не взглянул: подошел к окну, на котором болталась сорванная марля, и бросился всем телом вниз, в темноту, словно в глубокую воду.

Ирина испуганно взвизгнула. Маришка метнулась к окну, и на миг могло показаться, что в ней проснулась человечность, что она решила проверить, не валяется ли Петр под окном с переломанными костями... Однако напрасно было ждать снисхождения от разъяренной воительницы: в окошко полетели забытые Петровы кроссовки и благое пожелание:

– Да чтоб тебе разлететься на все четыре стороны!

Вслед за этим Маришка напористо развернулась к Ирине, и та вжалась в скрипучие пружины своего греховного ложа.

– А ты... ты... Я за халатом пришла в свою же комнату, а тут...

– Да я не виновата! – взвизгнула Ирина. – Я спала, а он...

– Что, доброго человека лихие люди в клетки поймали? – вздернула крутую бровь Маришка. – Рассказывай! Эх, знала бы, какая ты, не стала бы тебя спасать! Мыбра размалеванная! Думаешь, я не видела, как ты в машине голым задом по коленкам Петькиным елозила, как жалась к нему за столом? Не видишь разве – мужик пьяный в сиську, ему все равно, на кого вскочить!

Ирина робко пожала плечами. По ее мнению, Петр был абсолютно трезв, ну не принимать же всерьез тот стопарик-другой, который он опрокинул за ужином. Но возражать она не решилась – да и бесполезно было даже и пытаться прервать поток Маришкиного красноречия:

– Чего вытаращилась? Бесстыжие твои гляделки! Ох, испекла бы я тебе лепешечку во всю щеку, да боюсь, пришибу ненароком. Но ты не сомневайся, я тебе еще подсажу блошку за пазуху, если поутру не уберешься подобру-поздорову. Ишь, выискалась биб-ли-о-те-кар-ша! – Почему-то это слово прозвучало в Маришкиных устах тяжелее самого тяжелого мата. – Видали мы таких! Что, в городе... барей мало осталось, сюда на промысел приехала? Мотай отсюда, немочь бледная!

Ирина, оглушенная количеством и качеством незаслуженных эпитетов, соскользнула с кровати и ощупью нашарила платье. Словно кнутом, ожгло вдруг мыслью, что станется, если возмущенная Маришка вдруг вздумает наказать гостью, столь грубо нарушившую законы хозяйского дома, и отнимет платье. Ведь платье-то ее, ее собственное! И, судя по обстоятельствам, Ирине теперь даже косыночку не дадут прикрыться, даже булавочку не отжалеют...

Однако у Маришки пар валил из ноздрей от ярости, глаза метали молнии, и в этом сверкании ей было как-то не разглядеть, что блудливая гостьюшка воровато обматывает вокруг себя хозяйкино имущество. Чтобы не дать Маришке сосредоточиться, Ирина оставила затею с обуванием, сгребла босоножки в охапку и ринулась в дверь. Скатилась по кособокой лестничке, пронеслась через горницу, чая лишь одного: не встретиться с бабой Ксеньей. Уж ее-то праведного гнева она не вынесет, сторит со стыда, пусть и незаслуженного!

Ей повезло. Баба Ксения громко рыдала за занавеской, на диванчике. У нее, конечно, была настоящая истерика, потому что вперемежку со всхлипываниями до Ирины донеслись взрывы задущенного хохота.

Прогрохотав в сенях ведрами, которые почему-то оказались стоящими на самом ходу, Ирина долго нашаривала крючок, трясясь от ужаса, что вот сейчас Маришка вспомнит про платье и нагонит ее. Обошлось. Крючок нехотя вылез из петли, Ирина вывалилась на крыльцо, скатилась по кривеньким ступенечкам и полетела к калитке, но выронила одну босоножку, потом вторую, начала подбирать их – да так и стала, растерянно озираясь, замороженная отнюдь не красотой летней ночи, а внезапно ударившим вопросом: куда идти?

Идти было совершенно некуда.

Она потопталась на месте, оглянулась на дом. В светелке еще горела лампа, могучий Маришкин силуэт маячил перед окном. Ирина отпрянула в тень дома и затаилась, пытаясь собраться с мыслями.

Нечего и думать куда-то идти. Сколько сейчас? Стрелки на запястье мягко светились. Ого, половина третьего. Лисий час – самая темная пора ночи, предрассветье. Не больно-то много она и наспала, учитывая, что из-за стола разошлись за полночь. Надо где-то затаиться до утра, пересидеть, а потом прошмыгнуть к дому этого местного патриарха, деда Никиши, успеть поговорить с ним, пока злобная Маришка не разнесет по деревне молву о непристойном поведении гостью. Вообще-то поразительно, откуда в этой роскошной молодке такая страсть к благопристойности. По всему было похоже, что она займется сегодня ночью с Сергеем тем же самым, чем Петр собирался заняться с Ириной.

Ирина насупилась, потом усмехнулась. А Петра с чего разобрало? Павел бросал на нее за ужином куда более горячие взгляды, скорее ночью можно было ожидать его визита. Петр же

был вежлив, очень любезен, но не более того. Один только Сергей казался всецело увлеченным Маришкой. Уж он-то наверняка не появился бы в чужой спальне!

Ирина нахмурилась. Нет, но куда все-таки податься? Вообще-то вокруг громоздятся сколько угодно пустых, заброшенных домов, и хоть они стоят заколоченные, наверняка можно найти какую-нибудь щелочку, проскользнуть в нежилую, затянутую паутиной горенку... Ага, проскользнешь туда, а там сидит на пыльной лавочке одичалый домовушка и причитает горько, собирая слезы в мохнатенькую ладошку:

– Ох, золотые мои, рбдные хозяева! Да на кого ж вы меня, бедного, покинули?

Ирину затрясло – не то от страха, не то от смеха. Ну, если она еще может смеяться... А может, это дрожь от холода?

Как всегда перед рассветом, налетел легкий ветерок; ощутимо попрохладело, хотя ветерок этот уютно пахнул дымком. Неужели на деревне уже кто-то проснулся и начал растапливать печку? Вот бы сейчас погреться у той печки... Увы!

Ирина вытянула руки вдоль тела и начала резко, часто двигать плечами вверх-вниз, вверх-вниз. Это был старинный охотничий способ согреться, которому некогда научил ее отец. Здорово усиливали кровообращение также энергичные махи расслабленными ногами и руками. Она бросила босоножки, растопырила пальцы и предавалась этому занятию, пока не устала. В самом деле, на какое-то время тепло вернулось, но удержать его было нечем: тоненький ситчик Маришкиного платышка продувался насквозь, и Ирина снова начала трястись.

В это время порыв ветерка донес до нее пряный запах сена.

О, сеновал! Вот где можно отсидеться до утра! Там даже поспать можно. Ирине, честно сказать, никогда не приходилось спать на сеновале... Но, во-первых, судя по книгам, это ни с чем не сравнимое наслаждение, во-вторых, надо же когда-то начинать, а в-третьих, деваться все равно некуда!

Она повернулась и пошла на запах. Для этого пришлось обогнуть дом и приблизиться к другому двору. Ирина ощупью нашарила дверку, распахнула ее, вошла – и тотчас сладковатый, нежный запах обрушился на нее, словно лавина. Он был плотный, словно даже материальный...

Да он и был материальный! Он имел горячие руки, которые схватили Ирину за плечи, он имел губы, которые сначала восторженно выкрикнули:

– Я знал, что ты придешь! – а потом прильнули к ее губам.

* * *

– Ах ты тва-арь... ах, тварю-юга! Поганка, дурища! Что ж ты наделала, а? Что ж ты натворила?..

Оксана вздрогнула и привскочила, суматошно оглядываясь. Ох, она и не заметила, как задремала. Прямо в кресле... А что, уже утро? Нет, на небе едва брезжится, часа четыре, не больше.

Что? Уже четыре часа? А его еще нет? Странно. Не случилось ли чего?

Ее бил озноб с недосыпу и от волнения. Обхватила себя руками, съежилась, пытаюсь согреться.

– Ах ты дура, убить тебя мало! Тьфу! Тьфу!

Теперь понятно, от чего она проснулась. Что-то раненько сегодня началось... А вот интересно, уgomонится бабка, когда Стас вернется – и старуха увидит, что все, о чем она мечтала целую жизнь, сбылось?

Хотя нет, то, что сделано этой ночью, всего лишь первый шаг к исполнению мечты. И придется еще какое-то время потерпеть бабкину «утреннюю разминку». Впрочем, Оксана просыпается под эти причитания-ругательства лет десять, не меньше, и успела к ним привыкнуть.

Это на свежего человека действует, конечно, очень сильно. Когда Катерина впервые услышала бабкину брань, увидела, как плюет Клавдия Ефимовна в зеркало на свое отражение, так аж побелела вся. С этого все и началось: с бабкиных причитаний, Катеринино испуга и Оксаниных объяснений.

– За что она себя так? – спросила тогда Катерина.

– А она не себя, – усмехнулась Оксана. – То есть себя, но не теперешнюю, а ту, которой она была в 42-м году.

– Что-о?!

– Честное слово. – Оксана захихикала: тогда ей было только смешно. – Это наши семейные призраки: бабкины военные воспоминания. Я тебе никогда не рассказывала? Она в войну работала на швейной фабрике в Случановске, а там стоял госпиталь. Ну, девчонки туда ходили письма раненым писать, ухаживали за ними. Мужей себе подбирали, как я понимаю, а то просто хахалей. В войну же скукотища была смертная, где еще мужика найдешь, кроме как в госпитале. И вот однажды она случайно услышала разговор двух раненых земляков, а потом написала под диктовку письмо жене одного из них. Они тоже были здешние, из Нижнего, в смысле из Горького, как его тогда называли. Говорили они про какую-то чепуху, а бабке черт знает что почудилось. Знаешь ведь, как в войну жили, беднота была страшная, а тут возомнила она, что речь идет о каком-то кладе. А где, у кого, по какому адресу – неизвестно. Однако адрес этот должна была знать одна женщина. Ну, бабка Клава быстренько отписала своей мамане, как следует поступить: найти эту женщину и выспросить, куда она носила письмо мужа из госпиталя.

Катерина посмотрела на нее непонимающе и зевнула. Да уж, понять было трудно, Оксане не один год потребовался, чтобы понять, а главное – поверить... Конечно, по уму, следовало прекратить эту досужую болтовню. Но Оксану словно подталкивало что-то. Все равно им с Каткой тогда было совершенно нечего делать. Та пришла по старой дружбе поставить бабке капельницу. Она хоть и не была профессиональным медиком, изрядно поднаторела в этом деле, ухаживая за своими престарелыми родителями, на которых зимой, как нанятые, обрушивались всяческие хвори. И никогда не отказывала в помощи ни соседям, ни бывшей однокласснице Оксане Мальцевой. Вот и сейчас – физраствор в соседней комнате капал себе и капал, время тоже, а Оксане смерть хотелось почесать языком. Но о чем говорить? Про мужиков? Но Катерина не любила разговоров про мужиков, что вполне понятно с ее внешностью. Вот Оксана и продолжала трепаться про бабку. И правильно делала, как выяснилось вскоре!

– И тут начались сплошные глюки, – весело рассказывала она. – Во-первых, письмо не дошло. То есть дошло, но не скоро, чуть ли не через полгода. Знаешь ведь, как в войну ходила почта! А к тому времени у Клавдиной матери образовались новые заботы: к ним домой стали ходить из милиции и искать ее дочку-дезертиршу.

– То есть у Клавдии была сестра? – спросила Катерина.

– Ой, ну это кино! – отмахнулась Оксана. – Никакой сестры у Клавдии не было – один брат да куча племянников. А дезертирша была она сама. Тут что произошло? В письме Клавдия не могла сообщить ничего подробно. И решила вырваться с работы буквально на день-два домой. Уж не знаю, какие там у нее были выходные или отгулы, а скорее просто так решила оборваться. Думала, быстренько обернуться, чтобы все шито-крыто было. Наверное, подмала там какое-нибудь начальство. Не знаю, словом! Села на поезд и через сутки должна была приехать в Горький. А тут самолеты немецкие прорвались и дорогу разбомбили. И Клавдин эшелон попал под эту бомбежку. Народу погубило – море, а она была ранена в голову и осталась лежать под обломками вагона. Узелок с вещами не то пропал, не то сгорел, ее подобрали без всяких документов и отвезли в обычную гражданскую больницу, потому что она была одета в гражданское, конечно. А когда Клавдия очнулась, выяснилось, что она потеряла память.

Катерина недоверчиво вскинула брови.

Видя интерес к своему рассказу, Оксана совсем разошлась:

– Клянусь тебе! Ты что, думаешь, только в «Санта-Барбаре» герои память теряют? От сотрясения мозга такое бывает запросто! И вот когда выяснилось, что Клавдия о себе ни черта не помнит, за нее взялся Смерш. Потому что она, гражданская, оказалась в воинском эшелоне. Они же не знали, что Клавдия работала на фабрике военного обмундирования и какие-то знакомства среди военных у нее были. А может, через военных медиков на поезд устроилась, этого она до сих пор толком вспомнить не может.

– Смерш – это что, «Смерть шпионам»? – спросила Катерина.

– Ну да, ее приняли за шпионку и начали мотать по тюрьмам и лагерям. А в это время на фабрике сообщили куда следует, что военнообязанная Кособродова дезертировала.

– Как ты сказала? Кособродова?

– Ну да, это бабкина девичья фамилия. Жуть, правда? – стыдливо хмыкнула Оксана, чуть ли не впервые обнаружив, что не столь уж совершенна, как привыкла думать. Вот бабкину девичью фамилию, оказывается, лучше при людях не произносить. У Катерины, например, глаза так и полезли на лоб. Конечно, у нее-то фамилия довольно звучная – Старостина! Впрочем, Оксана тут же вспомнила, что у Катерины только и есть достоинств, что фамилия, и успокоилась.

– Ничего не жуть. Просто я эту фамилию – Кособродова – уже где-то слышала.

– Ну, наверное, есть и еще страдальцы, не она одна. Короче, прошло чуть не пять лет, пока к бабке вернулась память. Да и то не полностью. Она вспомнила, кто такая и как ее зовут, откуда родом, вспомнила, как разбомбило эшелон, даже фабрику свою вспомнила, а больше – ничего. И когда ее в 49-м году наконец-то отпустили за полнейшей безвредностью, она вернулась домой, совершенно ничего не помня о разговоре тех двух земляков, о своем письме и о кладе. Мать ее к тому времени умерла, а брат служил в армии. Потом вернулся, начал ее про письмо спрашивать, а у нее в памяти абсолютный нуль. Ну а жизнь тем временем шла, шла... Бабка, несмотря на то что пережила бог знает сколько, была еще очень даже ничего. Всего 28 лет, ну а породу нашу ты знаешь. Между прочим, судя по фотографиям, я – вылитая Клавдия в те годы. Так что посмотри на меня – и увидишь, какой она была.

Оксана потянулась так, что все ее стройное тело приманчиво напряглось. Точеное смуглое лицо, великолепные брови, яркие губы, голубые глаза, смоляные гладкие волосы, убранные в строгий узел на затылке... «У тебя такие чудные волосы, почему ты их не распускаешь?» – слышит она то и дело. Нет, с распущенными волосами Оксана похожа на ведьму, причем на злую ведьму. А этот обманчиво-скромный узел придает лицу аристократизм и утонченность. Катерина просто тащится от этой прически, дура несчастная. Соорудила себе такую же, а для начала подумала бы, что ей-то, с ее слишком высоким лбом и носом картошкой, никак нельзя зализываться! Бывают же такие люди, которым бог не дал ни ума, ни внешности, ни счастья!

– Ну, словом, она быстренько нашла мужа, постарше себя и одноногого, но все остальное у деда было на месте, как я понимаю. Родили мою мать. Дед был инженер и хорошо зарабатывал. Потом мать вышла замуж за этого придурка, моего отца. Как-то они с дедом поехали за грибами и попали в аварию. Все трое насмерть! Было это десять лет назад. И на похоронах, это же надо, к бабке вдруг вернулась память! Про госпиталь, про письмо, про клад. Не представляешь, что было! Натурально после поминок она рысью побежала по тому адресу, где жила та женщина, это где-то возле кинотеатра «Рекорд». Но... поезд уже ушел. Те дома давным-давно снесли, никого и в помине не было из старых жильцов. Сколько лет после войны прошло! Потыкалась в адресный стол – тоже облом, никаких Дворецких никто не знает.

– Ну почему, – сказала Катерина. – Я знаю. Например, мой двоюродный дед Сергей Васильевич, тот, что в Питере живет, он – Дворецкий, и все его дети, разумеется. Забавно, правда, что у нас в роду такие «услужательские» фамилии?

– Ну, это само собой, – рассеянно сказала Оксана, которой было, конечно, наплевать на Катерину и весь ее род, что Дворецких, что Старостиных. – Бабка тоже нашла каких-то Дворецких, но не тех, которых нужно. А главное, что проку было искать? Поезд, говорю, ушел!

– И что потом?

– Ну, что потом? У бабки снова крыша поехала. Так-то она тихая, но как поглядит в зеркало, видит там не себя, такую развалину, как сейчас, а ту Клавку Кособродову, какой была в 42-м. И начинает себя, в смысле ее, материть почему зря. Это ты слышала еще очень приличные выражения. Не забывай, она ведь лагеря прошла. Иной раз такое завернет – мужики падают. Я так словарь свой пополнила благодаря ей...

– За что ж она себя ругает? Она ж не виновата, что попала под ту бомбежку?

– Да нет, бабка никак не может успокоиться, что по-другому не написала в письме. Более вразумительно. Брат Минька этот, он теперь тоже помер, он что рассказывал? Дескать, Клавдия просила узнать у Дворецкой адрес тех людей, к которым она ходила с сообщением от мужа. А надо было как написать? Чтобы они выспросили адрес прежней соседки Дворецких, какой-то Анны Ивановны, у которой сына репрессировали!

– А клад был где? – рассеянно спросила Катерина.

– В какой-то черной деревяшке, которую невозможно открыть, не зная секрета. Она была в виде гробика, а хранилась под порогом. Представляешь, гроб под порогом?! Триллер!

Катерина нахмурилась:

– Странно... У тебя не бывает такого ощущения, что с тобой уже когда-то происходило то, что происходит в данный момент? Мне кажется, я все это уже слышала от кого-то. И про гроб под порогом, и про Анну Ивановну, у которой репрессировали сына, и про Клаву, которая писала письмо раненому под его диктовку... Это даже как-то называется, – она пощелкала пальцами, вспоминая, – это ощущение как-то очень красиво называется... Дежа-вю?²

– Привет! – Оксане до смерти надоело сидеть тихо, она вскочила и танцующей походкой прошла по комнате. – Скажешь тоже! «Дежа-вю» – это такая туалетная вода. Или парфюм? Хотя нет, что я говорю! Это стиль моды. Знаешь, как говорят: от кутюр, дежа-вю...

– Сука, уродина! – простонала за стеной бабка, а потом послышался звук пощечины и горькие старческие рыдания.

Оксана усмехнулась. Да, было время, когда и она так на себя злилась, что тоже готова была сесть перед зеркалом и хлестать себя по щекам! Но, по счастью, та самая судьба, которая лишила в 42-м году Клаву Кособродову шанса на главную удачу в жизни, решила возместить убыток ее внучке, Оксане Мальцевой.

Не пойти ли в бабкину комнату, не успокоить ли старуху? Нет, еще рано. Вот вернется Стас... Но где же, где он?!

Сидеть и ждать больше не было сил. Оксана вскочила с кресла и, припадая на затекшую ногу, ринулась к окну.

Вечером шел дождь, и бледное августовское утро было занавешено туманом. Оксана высунулась в окно, с отвращением глотая сырость. И замерла, впившись ногтями в подоконник, когда из белесой пелены вдруг вынырнула худощавая мужская фигура.

* * *

Ирина едва успела что-то возмущенно выдохнуть в жадно приоткрывшиеся мужские губы, как они отпрянули от ее губ. Разжались руки, и возмущенный голос выкрикнул:

– Опять ты?! Да что же это за напасть?!

² В данном случае – «это уже было». (Пер. с фр.)

Ирину так и передернуло:

– Опять я?! Опять ты!

– Зачем ты за мной пошла?

– Я-а?! За тобой пошла? Да ты же сам ко мне на каждом шагу лезешь! Маришка на меня ведро помоев вылила, но ты-то знаешь, что я тебя не завлекала, не звала!

Темнота фыркнула сердито, потопталась, шурша сеном, потом призналась упавшим голо-
сом:

– Знаю.

– Зачем же лез?

– Зачем, зачем! – Петр тяжело пыхтел, словно не зная ответа. – Угадай с трех раз!

Ирина брезгливо отерла рот рукой:

– Да ты потаскун, наверное. Из тех, кто уверен, что мимо них ни одна женщина не прой-
дет.

Петр громко скрипнул зубами:

– Ох, сказал бы я тебе... Ладно. С бабьем спорить – все равно что пожар маслом заливать.

Чего пришла? Я спать хочу.

– Ты знаешь, я тоже! – зло призналась Ирина. – Но по твоей милости мне спать негде!

– Как это? – растерянно спросил Петр, и Ирина словно бы даже в темноте увидела, как расширились его зеленые крыжовниковые глаза, в которых было что-то детское.

– Молча! – огрызнулась она. – Маришка меня взашей выгнала. Не по деревне же ночью шастать, ночлега искать. Вот я и решила тут переждать. И надо же... Опять ты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.